

18+

2027

ХАРЛАМОВ ГЕННАДИЙ

Автор трилогии «ПУТЬ»

Геннадий Харламов

2027. От автора трилогии «Путь»

«Издательские решения»

Харламов Г.

2027. От автора трилогии «Путь» / Г. Харламов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-696425-9

Эпидемия пришла весной 2027-го. К лету города превратились в братские могилы, а по вымершим трассам потянулись белые фургоны с синей звездой — корпорация «Сириус» несла не спасение, а смерть. Толя, простой парень, оказался в аду. Рядом был только сосед с пятого этажа — старый, ворчливый Юрий Степанович, от которого шарахались даже алкаши. Когда началась зачистка, они бежали в тайгу. Два месяца ада: лес, река, сторожка, смерть, дышащая в спину.

ISBN 978-5-00-696425-9

© Харламов Г.
© Издательские решения

2027

От автора трилогии «Путь»

Геннадий Харламов

© Геннадий Харламов, 2026

ISBN 978-5-0069-6425-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

2027

Глава 1. Последнее утро перед тишиной

– Всем общий! – я приветственно махнул рукой, хотя кому машу – непонятно. Но привычка, блин. С детства люблю поговорить вслух, когда никто не слышит. Психологи говорят – нормально. Ну и ладно.

С чего начать? Даже не знаю...

Столько всего произошло за последние несколько месяцев, что голова кругом идёт. Я иногда просыпаюсь ночью и смотрю в никуда, пытаюсь понять: это реальность или я всё ещё сплю? Может, сейчас зазвонит будильник, и придётся вставать на работу, тащиться в этот дурацкий цех, перебирать заготовки и слушать радио «Дача»?

Наверное, пожелаю в первую очередь – бояться своих желаний.

Я вот ныл. Ныл как последний дурак. Жаловался сам себе в подушку, что моя жизнь напоминает хомячка в клетке. Встал – поел – поработал – поел – поспал. И по новой. Колесо крутится, хомячок бежит, а результат один – ноль. Ныл, что хочу перемен, что хочу вырваться из этой рутины, что мечтаю о чём-то настоящем, большом, чтобы аж дух захватывало.

Донылся, ептыть!

Тьфу ты! Опять я за своё. Меня же может читать интеллигенция, а я тут выражаюсь, как грузчик после смены. Непорядок. Постараюсь чуть сдержаннее. Ладно, проехали.

– Пошли! – орёт из-за спины. – Чего сел опять, писака?

– Погоди! – ору в ответ. – Мысль излагаю, и так не идёт ничего!

Если уж я уселся с ручкой и блокнотом, значит, процесс пошёл. А процесс – штука тонкая, спугнуть легко.

Ладно. Начну, наверное, с самого начала.

Меня зовут Анатолий. Двадцать семь лет. Для коллег по работе – Толя, для соседей и друзей – Толян.

Родился я в двухтысячном году. Да, я ровесник века. В детстве это казалось крутым – все вокруг говорили: «О, ты родился в самом начале!» А сейчас смотришь на этот год и думаешь: ну и что? Двадцать семь – возраст, когда уже пора чего-то добиться, а у меня за душой ни кола, ни двора. Точнее, двор как раз есть, но это не про богатство.

Город – Екатеринбург. Урал, промышленный гигант, миллионник. Город контрастов: старые пятиэтажки и стеклянные небоскрёбы, заводские трубы и модные арт-пространства. Я жил в районе ВИЗ – Верх-Исетский, если по-взрослому. Старый фонд, пятиэтажки-хрущёвки, узкие дворы, где вечно не хватает парковок, и бабушки на лавочках, знающие про тебя всё, включая то, чего ты сам о себе не знаешь.

Про родителей рассказывать особо нечего. Так вышло, что из роддома меня никто не забрал. Врачи говорили – здоровый пацан, полный комплект, никаких отклонений. А забрать – не забрали. Почему? Хрен его знает. Может, молодые были, испугались. Может, обстоятельства. Я пытался узнать, когда вырос, но в детдомовских архивах – глухо. Как в воду канули.

Честно скажу: сейчас, в свои двадцать семь, я и не горю желанием их искать. Наверное, это звучит цинично, но зачем мне люди, которые отказались от меня в первый же день? Я выжил. Сам. Ну, не совсем сам – государство помогло, воспитатели, учителя. Но по жизни я привык рассчитывать только на себя.

Детдом помню урывками. Как страшный сон. Сознание будто выдавливает эти картинки из головы, а я не сопротивляюсь. Зачем мне это? Там не было ничего хорошего. Серые стены, общие спальни, казённая еда, вечный запах хлорки и щей. Воспитатели были разные – нормальные попадались, но чаще те, кто просто отработывал смену. Понимаю, их можно понять – зарплаты копеечные, работы до шиша, благодарности ноль. Но детям от этого не легче.

Дальше – классика.

Учёба в техникуме. Металлургия, чтоб её. Выбрал, потому что ближе к дому и конкурс маленький. Не скажу, что мне это было интересно, но диплом дали. Специальность – оператор прокатного стана. Звучит солидно, да? На деле – кнопки нажимаю да слежу, чтоб железо не застряло.

Потом – армия. Вернее, попытка в неё попасть. Неудачная. В последний момент, уже когда повестка была в кармане, меня завернули по здоровью. До сих пор не пойму, что там нашли. Я никогда особо не болел, в спорте не блистал, но и жалоб никаких не было. Врач в военкомате посмотрел карту, покачал головой, пошептался с кем-то и вынес вердикт: «Не годен».

Сказать, что я расстроился – нет. Не горел я армией, если честно. Служить не косил, бегать по военкоматам не бегал, но и мечты особой не было. Но и радости, что откосил, тоже не испытал. Как-то всё равно. Просто факт: не взяли и не взяли.

Зато квартира появилась.

Как сироте, после техникума мне выдали однокомнатную. Старая пятиэтажка на ВИЗе, пятый этаж, лифта нет. Классика жанра. Подъезд пахнет кошками и сыростью, батареи греют через раз, окна выходят во двор, где вечно орут алкаши. Но это моё. Понимаешь? Моё собственное. Первый раз в жизни я мог закрыть дверь и знать, что никто не войдёт без спроса. Что холодильник – мой. Что кровать – моя. Что я могу ходить голым, если захочу, и никто слова не скажет. Кайф!

Соседи мне достались – загляденье. Прямо надо мной жили пенсионеры, которые девять месяцев в году пропадали на даче. Я их почти не видел, только слышал, как по весне тарахтит старенький «Москвич» во дворе. А напротив, через площадку – мужик лет шестидесяти.

Колоритный такой дядька.

Невысокий, плотненький, с небольшим пузиком, седоватый. Одевался всегда с иголочки – брюки со стрелками, рубашка заправлена, пиджак. Но главное – туфли. Они блестели так, что в них можно было смотреться, как в зеркало. Я ни разу не видел его в домашнем, в трениках или в тапках. Даже когда мусор выносил – выходил при параде.

И кепка. Смешная такая, классическая, «дедовская». Из-под неё на мир смотрели маленькие, глубоко посаженные глаза. И смотрели они так, будто видели тебя насквозь. Прямо в душу заглядывали, без спроса.

Если мы сталкивались в подъезде, он всегда сухо и сдержанно кивал. Я отвечал тем же. Иногда пытался выдать «здрасьте», но получалось криво. Он только бровь приподнимал и проходил мимо. На этом наше общение заканчивалось.

В отличие от бабы Маши.

Баба Маша жила этажом ниже и была полной противоположностью. Маленькая, сухонькая, вечно в цветастом халате и с платочком на голове. Едва узнав, что я детдомовский, она решила, что моя миссия на земле – быть откормленным до состояния упитанного борова.

– Толечка! – кричала она, завидев меня в подъезде. – Зайди, у меня борщ свежий! И пирожки с капустой!

Я отказывался, конечно. Мне было неловко до жути. Но баба Маша обладала уникальной способностью – она не слышала слова «нет». Вообще. Ты говоришь «спасибо, не надо», а она уже тащит тебя за рукав в свою квартиру и усаживает за стол.

И знаешь что? Это было охренительно вкусно.

Борщ – наваристый, со сметаной, с чесночком. Пирожки – румяные, мягкие, с хрустящей корочкой. Я лопал за обе щеки, а она сидела напротив, подперев щеку рукой, и смотрела с таким умилением, будто я её родной внук.

– Худой ты, – приговаривала. – Кожа да кости. Небось, одними дошираками питаешься?

Я мычал, кивал и просил добавки.

Вопреки всем предрассудкам про детдомовских – мол, мы все будущие уголовники, воры и манипуляторы – баба Маша решила, что мне можно доверить самое ответственное дело. Ключи от своей квартиры.

– Цветы полить, – сказала она, вручая мне связку. – Мы с дедом на дачу, на всё лето. А фикус мой без воды пропадёт, жалко.

Я даже опешил. Серьёзно? Ключи? Мне? Человеку, которого знаешь от силы полгода?

Но потом я зашёл в её квартиру и всё понял. Там даже при всём желании нечего было брать. Старая мебель, вытертый ковёр на стене, телевизор «Рубин» с линзой, посуда с отбитыми краями. Баба Маша жила скромно, очень скромно. Её богатство было в другом – в доброте, в пирожках, в фикусе, который она поливала сорок лет.

От неё же я узнал про соседа.

– А это Юрий Степанович, – шепнула она однажды, кивая на дверь напротив. – Полицейский. На пенсии теперь. Ты с ним поаккуратнее.

– А что так? – удивился я.

– Да кто ж его знает, – баба Маша загадочно поджала губы. – Где служил – молчит. Чем занимался – молчит. Молодёжь во дворе его боится. Как выйдет на лавочку посидеть, так все и разбегаются.

Я присмотрелся. И правда – стоило Юрию Степановичу появиться во дворе, как компания подростков, тусовавшаяся у подъезда, мгновенно испарялась. Даже алкаши с соседней лавки поднимались и уходили в другую сторону, делая вид, что очень спешат по делам.

Объяснение нашлось быстро. Внешний вид, взгляд, выправка – всё в нём кричало о том, что этот человек не привык шутить. И молодёжь это чувствовала за версту.

Квартира, работа, кредиты.

Два года я пахал на заводе. По специальности. Работа – скучная до зубного скрежета. Ручная сортировка заготовок. Представь: конвейер, по нему едут металлические болванки, а ты стоишь в этих дурацких рукавицах и перебираешь их – годные вправо, брак влево. Восемь часов. С перерывом на обед. И радио «Дача» над головой.

– А у нас во дворе есть девчонка одна... – пело радио. Каждый день. По кругу.

Я ненавидел эту песню. Ненавидел конвейер. Ненавидел рукавицы, от которых потом руки воняли машинным маслом. Ненавидел дорогу.

Каждый день – в пять утра подъём. Завтрак на скорую руку. Трамвай до метро. Метро через весь город. Потом маршрутка. И обратно – то же самое, только в обратном порядке. Домой я приползал в восемь вечера, выжатый как лимон.

Платили сорок пять тысяч. С надбавками и премиями выходило около шестидесяти. Красиво, да? Только счастья в этом было мало.

Счета за квартиру – пять-шесть тысяч. Интернет и связь – ещё две. Карта для проезда – две. Продукты и еда на работе – тысяч двадцать. И кредиты. За смартфон и ноутбук. Ещё двадцать.

В сухом остатке – десять тысяч. На всё про всё.

Я выучил три главных правила выживания.

Первое: смотреть на дату продуктов, которые покупаешь. Просрочка – это выброшенные деньги. А денег нет.

Второе: тепло одеваться. Простуда – это больничный. Больничный – это потеря в зарплате. Аптеки – это вообще отдельная статья расходов.

Третье: хорошо чистить зубы. Лечить зубы – это катастрофа. Это крах бюджета. Это голодный месяц.

Любая ошибка вела к дестабилизации моего и без того шаткого финансового положения. Я жил как сапёр на минном поле – чуть расслабился, и всё, пиши пропало.

Ко второму году работы, когда кредиты наконец выплатились, я понял две вещи.

Первая: я больше не хочу ездить на общественном транспорте. Ни за что. Никогда. Мне нужна машина. Любая. Хоть «шестёрка» ржавая, хоть «Ока» с откидным верхом. Лишь бы не толкаться в этих проклятых трамваях.

Вторая: денег на машину у меня нет. И близко нет. Даже на «Оку».

Я сидел вечерами на кухне, пил дешёвый чай без сахара и смотрел в окно. На двор, на машины соседей, на редкие звёзды над пятиэтажками. И думал: ну и где выход?

А выход, как часто бывает, нашёлся под носом.

В мае, когда снег уже растаял, а солнце начало припекать, я заметил с торца дома новую вывеску. Неоновую, яркую, в полуподвальном помещении, где раньше была то ли шаурмичная, то ли пункт приёма стеклопосуды.

«Веломир».

Надпись светилась зелёным, приглашая зайти.

Велосипеды.

Я постоял, покурил (бросил потом, но тогда ещё курил), посмотрел на вывеску и вдруг вспомнил детство. В детдоме был старый велик, «Урал», тяжёлый как танк. Мы гоняли на нём по двору, пока воспитатели не видели. Ветер в лицо, свобода, счастье...

Я затушил сигарету и спустился вниз.

Полуподвальное помещение оказалось забитым под завязку.

Большие картонные коробки громоздились друг на друге, создавая узкие проходы, в которых, наверное, можно было заблудиться, как в лабиринте. Пахло картоном, свежим пластиком и чем-то ещё – то ли смазкой, то ли новой резиной. Запах, который сразу напомнил детство, хотя я и не мог понять почему.

За прилавком, в самой глубине магазина, стоял парень. Худощавый, молодой, чуть старше меня, наверное. Он сосредоточенно колдовал над ярко-оранжевым велосипедом, прикручивая педали.

Увидев меня, он буквально подпрыгнул.

– О-о! Первый покупатель! – глаза его загорелись таким неподдельным восторгом, будто я был не просто зашедшим мужиком, а инопланетянином, который прилетел купить весь магазин. – Привет!

Ключ с громким звоном грохнулся на пол. Недокрученная педаль последовала за ним. Парень даже не обратил внимания – он уже вылетал из-за прилавка мне навстречу.

– Приветствую! – кивнул я, оглядываясь по сторонам.

Коробки, коробки, коробки. На некоторых – наклейки с названиями брендов, которых я никогда не слышал. На других – просто иероглифы. Китай, понятное дело.

– Какой велосипед присматриваешь? – продавец уже стоял рядом, потирая руки. – Есть горные, есть городские, складные, электровелосипеды и электросамокаты. На любой вкус и кошелёк, так сказать!

Он широким жестом обвёл коробки, будто представлял не скромный подвальчик, а автосалон в центре города.

– Мне бы велосипед какой-нибудь недорогой, – протянул я, продолжая озираться. – По городу на работу ездить.

– В каком бюджете?

– Да подешевле бы...

Я понятия не имел, сколько стоят велосипеды. Вообще. В детдоме они были общими, старыми, с вечно спущенными колёсами. Потом как-то не до них было. Техникум, работа, кредиты – не до жиру.

Продавец – позже я узнал, что зовут его Митя, а сокращённо Митька – устроил мне настоящую экскурсию.

– Смотри, – тараторил он, дёргая коробки. – Вот это – хардтейлы, это для города норм. А это двухподвесы, уже серьёзнее, но и дороже. Тип вилки бывает пружинная и воздушная. Материал рамы – сталь, алюминий, карбон. Карбон, конечно, дороже, но легче...

Я стоял и кивал, как китайский болванчик. Тип вилки? Воздушная? Карбон? Для меня это был набор звуков. Я понимал только одно: всё это стоит каких-то денег. Наверное, больших.

А когда мы дошли до ценников, я напрягся всерьёз.

– Это пятьдесят тысяч, это сто, а это вообще элитка – сто восемьдесят пять...

Сто восемьдесят пять тысяч. За велосипед. Я вспомнил свою зарплату, кредиты, остаток в десять тысяч и понял: я в пролёте.

– Слушай, – перебил я его, когда пауза стала неловкой. – Я, наверное, пойду. Это всё не мой бюджет. Спасибо за экскурсию.

Я уже развернулся к выходу, но Митька схватил меня за рукав.

– Стой! Подожди! Есть вариант! – в глазах его горел такой азарт, будто на кону стояла жизнь. – Двадцать пять тысяч! Самый простой, городской, без наворотов. Одна скорость, тормоза ножные, рама стальная. Он ездит! Понимаешь? Просто ездит!

Я остановился.

– И рассрочка, – добавил он тише. – Беспроцентная. На три месяца.

– В чём подвох? – насторожился я.

– Никакого подвоха! – Митька даже руками замахал. – Ты первый клиент! Первый, понимаешь? Магазин только открылся. Мне надо, чтобы торговля пошла. А если первый клиент уйдёт ни с чем – примета плохая. Бабка моя так говорила. Ты должен уйти с покупкой! Обязательно!

Я смотрел на него и не верил. Первый клиент? Примета? Серьёзно? Но в глазах парня было столько искренности, что я сдался.

– Ладно, – выдохнул я. – Уговорил. Давай свой велосипед.

Час спустя я выкатился из подвала на новеньком, сверкающем спицами велосипеде. Самом простом, какие бывают. Одна скорость, ножной тормоз, руль чуть выше седла. Но он был мой.

Я катался вокруг дома до самой темноты. Нарезал круги по двору, выезжал на соседние улицы, забирался во дворы, где никогда не был. Ветер в лицо, свобода, любой маршрут – всё это пьянило сильнее любого алкоголя.

Ездить на нелюбимую работу стало... приятнее.

Странное слово, да? Приятнее. Но это правда. Раньше я ненавидел дорогу – давку в транспорте, вечные пробки, чужие локти в спину. А теперь – ветер, солнце, возможность свернуть в любой переулок, проехать через парк, подышать воздухом. Даже в дождь было кайфово, если одеться правильно.

Я начал замечать город. Оказывается, за те пять лет, что я здесь жил, я видел только дорогу от дома до метро и обратно. А город – он живой. Старые особняки, новые высотки, граффити на заборах, бабушки с семечками, пацаны на самокатах, влюблённые парочки на лавочках.

Велосипеды – сезонный товар.

Осенью я заглянул в магазин и обомлел. Коробки с велосипедами куда-то исчезли. На их месте стояли другие – с лыжами, палками, коньками.

– Сезон, – пожал плечами Митька, увидев моё удивлённое лицо. – Летом – велосипеды, зимой – лыжи. У дома парк же есть, там лыжню накатывают. И каток заливают.

Я посмотрел на лыжи. Простенькие, дешёвые, но настоящие. На коньки. И вспомнил, как в детдоме нас выгоняли зимой на каток. Варезки мокрые, носы красные, но счастливые до безумия.

Перемены в моей жизни тоже не заставили себя ждать.

Однажды, в конце ноября, на велосипеде лопнула камера. Я заехал в магазин – купить новую, поменять самому. И застал Митьку в интересном положении.

Он сидел на корточках посреди зала, обложившись железками, и кряхтел над стареньким станком для заточки. В руках – пассатижи, на лбу – капли пота, вокруг – разбросанные детали.

– Ты чего, – говорю, – инженер-самоучка?

– Да станок этот долбаный! – выдохнул Митька. – Купил с рук, хотели коньки точить, а он в разобранном виде. Ни фиги не пойму, как собрать.

Я посмотрел на детали. Посмотрел на Митьку. Вспомнил, что на заводе приходилось и не с таким возиться.

– Давай помогу.

Через час станок стоял ровно, сверкая отполированными валами. Митька смотрел на него, как на родного.

– Слушай, – сказал он, вытирая руки ветошью. – А ты где работаешь?

Я рассказал.

– Слушай, – повторил он, и в глазах снова загорелся тот самый азарт. – Иди ко мне. Мастером. Зарплата – шестьдесят тысяч. Плюс процент с продаж. График – два через два. Ну как?

Я опешил.

– Шестьдесят тыщ? – переспросил я, думая, что ослышался.

– Ну да. И проценты. А если лыжи точить или коньки – отдельная оплата. Ну как?

Мы ударили по рукам.

Две недели отработки на заводе пролетели незаметно.

Я написал заявление, отдал в отдел кадров. Женщина за окошком приняла его молча, даже не спросив, почему ухожу. Просто кивнула и поставила штамп. Даже как-то обидно стало – столько лет пахал, а ты тут никому не нужен.

Но я быстро выкинул это из головы. На прощание купил ящик пива, выставил мужикам в цехе. Посидели, поговорили, пожелали удачи. Кто-то сказал: «Повезло тебе, Толян, вырвался». Кто-то просто хлопнул по плечу.

В последний день я вышел из проходной, сел на велосипед и покатил домой. Не на работу. Домой.

Свободный.

Ветер в лицо. Солнце. Любой маршрут.

Впереди была новая жизнь.

Глава 2. Те, кто не умел молчать

Жизнь потекла своим чередом. И знаешь, мне реально нравилось всё, что в ней происходило. Впервые за долгое время я просыпался утром и не чувствовал этой тошнотворной тяжести в груди. Не думал: «Опять на завод, опять этот конвейер, опять радио „Дача“». Я просто вставал, пил кофе и шёл на работу. В магазин. Который прямо в доме. Где пахло резиной, смазкой и свежим картоном.

Ка-а-айф.

Митька оказался не просто продавцом, а настоящим коммерческим гением. Он быстро смекнул, что конкурировать с сетевиками бесполезно – там цены ниже, ассортимент шире. Надо брать другим. И он взял.

Митька завёл странички во всех соцсетях, какие только были. И начал творить. Он снимал смешные видосы, где на полном серьёзе рассказывал про велосипеды, но с таким лицом, будто продаёт космические корабли. Отвечал на вопросы в комментариях – причём отвечал быстро, по делу и с юмором. Показывал товар, объяснял, что почём, советовал, помогал выбрать.

Народ потёк. Сначала по одному, потом по двое, потом ручейком. Люди приезжали из других районов, потому что слышали: там, в полуподвале, сидит чувак, который не впаривает, а реально помогает. И цены – огонь

Митька платил как часы. Десятого числа каждого месяца – деньги на карте. Без авансов, без дроблений, без задержек. Сначала я не верил, честно. Каждый месяц ждал подвоха. Но нет – ровно, чётко, по-белому. С договором, с отчислениями, со всеми делами.

За полгода я ни разу не получил меньше восьмидесяти тысяч. А в сезон – когда лыжи точили, коньки правили, велосипеды собирали – выходило под сто. Для меня, человека, который привык считать каждую копейку, это было... ну, ты понимаешь. Счастье.

Ещё через полгода я окончательно перебрался в мастерскую. Только ремонт, только хардкор. Консультировать покупателей наняли двух пацанов – студентов, Саню и Эдика.

Саня – сноубордист, фанатик своего дела. Вечно в тренде, вечно на соревнованиях, но когда выходил на смену – выкладывался по полной. Клиенты его обожали. Он мог два часа рассказывать про воск для лыж, и люди слушали, раскрыв рты.

Эдик – тот с детства на велосипедах помешан. У него глаз-алмаз: посмотрит на велик – и сразу скажет, где что стучит, чем лечить, сколько стоит и где запчасти брать. Они с Саней работали на полставки, подменяя друг друга, но результат давали такой, будто их там трое было. А магазин переехал. Из того полуподвала мы перебрались на первый этаж небольшого торгового центра. Площадь – в три раза больше. Светло, чисто, стеллажи, витрины. Красота.

Одним вечером я поднимался по лестнице домой после работы. В одной руке – велосипед за раму (лифта нет, пятый этаж, классика), в другой – телефон, на котором я безостановочно свайпал приложение банка.

Ждал зарплату.

Сейчас был самый сезон. Май – люди ломанулись за великами, как ненормальные. Я знал, что сумма будет больше обычного, но когда увидел цифру, чуть не выронил телефон.

Без малого сто тысяч.

Сто. Тысяч. Рублей.

Я даже присвистнул. Настроение, и без того неплохое, взлетело до небес. В голове закрутились мысли: куда потратить? Новый телефон? Да ну, этот ещё норм. Хорошую одежду купить? Надо бы, а то хожу как чучело. Отложить? Надо, конечно, но так хочется чего-то приятного...

Витая в этих мечтах, я чуть не снёс кого-то на лестничной площадке между четвёртым и пятым этажами.

– Ох, – выдохнул я, в последний момент вывернув руль.

Юрий Степанович стоял, изогнувшись назад и закинув голову вверх, будто разглядывал что-то на потолке. Вид у него был... колоритный. На нём болтался болотный костюм – такие рыбаки носят, когда на утренней зорьке стоят. На ногах – кирзачи, разношенные до состояния «выдавшие виды». В одной руке он держал лямку пухлого рюкзака, который лежал на полу, а другой, сжимая связку удочек, опирался о стену, чтобы не упасть.

– Наркотики – зло, – ляпнул я, пребывая в этом дурацком, счастливом настроении.

Юрий Степанович медленно перевёл на меня взгляд. В глазах его читалась такая гамма чувств, что хоть оперу пиши. От «что этот идиот несёт» до «сейчас убью».

– А? – прохрипел он.

Я понял, что сейчас получу по шапке. И словесно, и может быть даже физически. Поэтому, как сапёр, обезвреживающий бомбу в последнюю секунду, резко сменил тему.

– Давайте рюкзак! – я потянулся к лямке. – Помогу дотащить.

Старик дёрнулся так, будто я хотел его ограбить.

– Сам справлюсь, – буркнул он, отдёргивая руку. – Упрёшь ещё.

– Да кому нужен ваш рюкзак! – я даже обиделся. – Я столько лет в доверие входил, чтобы на старости лет у вас на глазах рюкзаку ноги сделать?

Он посмотрел на меня. Я на него.

– Давайте уже, – я решительно выхватил рюкзак. Тот оказался тяжёлым, будто кирпичей набили. Я крикнул, перекинул через плечо и зашагал наверх.

У двери соседа я аккуратно поставил ношу, прислонил велосипед к своей двери и вставил ключ в замочную скважину. Но войти не успел.

Снизу доносилось кряхтение, шарканье, тяжёлое дыхание. Юрий Степанович медленно, очень медленно поднимался, цепляясь за перила.

Я замер.

Идти помогать? Не идти? Он же явно не хочет. С другой стороны, воспитание... меня хоть и в детдоме растили, но вежливости и помощи ближнему там учили. Да и просто – человек пожилой, одышка, спина больная. Не бросать же его.

Я постоял, послушал, вздохнул и пошёл вниз.

Юрий Степанович за это время продвинулся примерно на спичечный коробок. Он стоял, привалившись к стене, и медленно, с мукой на лице, заносил ногу над следующей ступенькой.

– Давайте помогу, – я подошёл ближе.

Он посмотрел на меня. Взгляд уже не такой злой, скорее усталый.

– Удочки донеси, – кивнул он на связку, прислонённую к стене. – Только осторожно. Японские. Семейная реликвия.

Я взял удочки. Лёгкие, почти невесомые. Качественный графит, навороченные катушки – я в этом не понимаю, но выглядело дорого.

Я поднялся, поставил удочки рядом с рюкзаком и метнулся обратно. Подставил плечо. Старик тяжело опёрся, задрал ногу, замер, перенося вес.

– Спину прихватило, – прохрипел он. – От нервов. У меня такое бывает. Помажусь мазями, полежу денёк – и всё пройдёт.

И в этот момент я краем глаза заметил движение.

Удочки.

Те, что я поставил в спешке, начали медленно крениться. В сторону лестничного пролёта.

– Удочки! – заорал сосед, вытягивая руку.

– Сейчас!

Я скинул его руку и рванул вверх. Но было поздно. Удочки, кувыркаясь в воздухе, полетели вниз.

А сзади раздался крик. Юрий Степанович, оставшись без опоры, начал заваливаться назад.

Всё как в слоу-мо. С одной стороны – падающие японские удочки, семейная реликвия. С другой – падающий сосед, живой человек. Я выбрал второе. Рванул обратно, подхватил его в последний момент, прижал к стене.

Мы замерли. И вместе проводили взглядами удилища, которые, подпрыгивая на ступеньках, с грохотом улетели вниз. Где-то на первом этаже раздался финальный стук.

– Мля-я-ядь... Гля-я-ядь... – выдохнул Юрий Степанович. Так протяжно, так душевно, что я понял: сейчас меня испепелят взглядом.

Медленно, очень медленно мы доползли до пятого этажа.

– Иди на... За удочками – прохрипел он, открывая дверь. – За удочками.

Посыл был понятен. И в голосе, и во взгляде. Я пошёл.

На втором этаже я нашёл обломки. Дорогие, японские, фамильные – теперь бывшие. Две части, три части, вообще непонятно что. Я собрал их в охапку и поплёлся наверх.

– Тут это... – протянул я, показывая то, что осталось.

Юрий Степанович посмотрел на обломки. Потом на меня. Снова на обломки.

– Ой, Господи, – выдохнул он. – Дал же бог соседа.

– Я компенсирую, – быстро сказал я. – Сколько они стоят?

– А я помню? – старик всплеснул руками. – Они старше тебя.

– Сколько я вам должен?

– На кой мне деньги? – он даже обиделся. – Мне удочки нужны!

– У меня завтра выходной, – я уже просчитывал бюджет. Сто тысяч – минус удочки. Сколько? Хрен его знает. Но надо. – Я куплю новые.

Я протянул ему обломки. Он отмахнулся, будто от мухи.

Дверь захлопнулась.

Я постоял ещё минуту с кусками когда-то дорогих удилиц в руках. Потом пошёл к себе, положил их на тумбочку и долго смотрел на них, как на приговор.

Надо покупать. Но какие? Я же даже не знаю, как это называется. Удилище? Спиннинг? Бред.

Но выход есть.

В нашем торговом центре, где теперь располагался «Веломир», был рыболовный магазин. «Щукарь» назывался, кажется. Завтра с утра – туда.

Я лёг спать с мыслью: «Сто тысяч – минус удочки. Ну и ладно. Главное, что сосед жив». Хотя по его взгляду в конце я не был уверен, что он считает это главным.

Утром я встал пораньше и, даже не позавтракав, поплёлся в торговый центр.

Решил не заходить к своим – в «Веломир». Во-первых, выходной есть выходной, я там и так торчу пять дней в неделю. А во-вторых, если Саня или Эдик увидят меня с обломками удочек, вопросы начнутся: «Что случилось?», «Где взял?», «Почему сломал?». Объяснять, что я чуть не угробил соседа-пенсионера, а заодно и его фамильные японские раритеты... как-то не улыбалось.

Рыболовный магазин назывался «Щукарь». Я проходил мимо него сто раз, но ни разу не заходил. Рыбалка – это не моё. Сидеть часами с удочкой, паяться на поплавок, комаров кормить... ну нафиг.

Но сегодня пришлось.

У входа в магазин я обалдел. Очередь. С утра пораньше, а люди уже стоят, как в мавзолее. Мужики в камуфляже, деды, молодые пацаны в спортивных костюмах. Все что-то обсуждали, спорили, показывали друг другу телефоны с фотографиями трофеев.

Я вздохнул и встал в хвост.

Простоял полчаса. За это время успел рассмотреть витрину вдоль и поперёк. Чего там только не было! Крючки, блёсны, воблеры, поплавки всех цветов и размеров, лески, шнуры, грузила – глаза разбегались. А удочки... От самых простых, за тысячу рублей, до таких, что ценник я пересчитывал три раза, думая, что ошибся. Сто двадцать тысяч? За палку с кольцами?

Наконец очередь дошла до меня.

За прилавком стоял мужик, который сразу вызвал у меня улыбку. Круглый, пузатый, с лысиной и такими смешными усами, что я чуть не прыснул. Вылитый Шалтай-Болтай из старого советского мультика. Он оценивающе глянул на меня, потом на обломки удочек в моей руке, и улыбнулся во весь рот.

– Гутен морген! – бодро выпалил он. – Чего изволите?

Я протянул ему обломки.

– Понимаете, соседу удочки поломал. Японские, дорогущие, как он сказал. Семейная реликвия. Мне бы такие же. Две штуки.

Шалтай-Болтай взял обломки, повертел их в руках, посмотрел на просвет, понюхал даже, как мне показалось. И вдруг расхохотался.

Я опешил.

– Ты чего? – говорю. – Что смешного?

– Парень, – выдохнул он сквозь смех. – Это ж китайские телескопические «донки». Самые дешёвые, какие бывают. Им цена – тыщи полторы за штуку, не больше.

– Вы уверены? – переспросил я. – Он так проникновенно говорил про Японию...

– Парень, – Шалтай вытер слезу. – Я пятьдесят лет рыбаку. И сорок лет торгую рыбацким скарбом. Я тебе любую удочку с закрытыми глазами определю – где Китай, где Япония, где наше, совдеповское.

– Ну... – я замялся. – Тогда мне две такие же.

– Три тысячи, – кивнул продавец.

– За обе? – я даже рот открыл.

– За обе.

Я выдохнул. Три тысячи – это не те деньги, которые я мысленно похоронил. Это даже не десятая часть от ста тысяч. Я расплатился, забрал новенькие удочки в чехлах и поплёлся домой.

Всю дорогу меня терзали противоречивые чувства.

С одной стороны – повезло. Бюджет не пострадал. С другой – как теперь это преподнести соседу? Сказать правду? Мол, ваши «японские раритеты» на самом деле китайский ширпотреб? Он же обидится. А врать не хочется.

Решил так: врать не буду, но и не буду тыкать его носом. Скажу, что продавец сказал – точь-в-точь такие же. А остальное пусть сам думает.

Во дворе меня ждал сюрприз.

Наш двор – это отдельная песня. Машины у жильцов простые, отечественные или старые иномарки. Все они ютятся на газоне прямо под окнами, перегородив проезд. Кто цепями огородил, кто бетонными блоками. Нелегально, конечно, но народ не жалуется – мест катастрофически мало. А тут...

У самого подъезда, перегородив проход, стоял огромный чёрный внедорожник. «Шевроле Тахо». Я в машинах не разбираюсь, но эту модель знаю – она как танк, только с колёсами. Тонировка – чернее ночи, ни хрена не видно. Номера? Нет номеров. Ни спереди, ни сзади. И стоит он так, что ни обойти, ни объехать.

Я попытался протиснуться между капотом и стеной – бесполезно. Он почти вплотную к подъезду притёрся.
Ну, думаю, сейчас разберёмся.

Я постучал в стекло. Вежливо так, костяшками. Тишина. В машине точно кто-то был – фары горели, двигатель работал, кондиционер гудел.

Постучал ещё раз. Сильнее.

Ноль реакции.

Я прислонился лицом к стеклу, сложив руки домиком, чтобы свет не мешал. Но тонировка была такой плотной, что я видел только своё отражение.

– Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому, – пробормотал я и набрал «102».

Девушка-оператор выслушала мою историю про неправильную парковку и попросила назвать госномер.

– Нет номера, – сказал я. – Ни спереди, ни сзади. И на стук не реагируют. Стоят, как у себя дома.

– Передам информацию, – ответила она. – Назовите адрес и контактный телефон.

Я продиктовал. Трубку положили.

И в этот момент машина ожила.

Загорелись фонари заднего хода. Рёв мотора. Внедорожник рванул назад – прямо на меня. Я едва успел отпрыгнуть в сторону, прижимая удочки к груди. Если бы замешкался хоть на секунду – размазало бы по стене.

Машина резко остановилась. Я стоял, тяжело дыша, и смотрел на неё. Сердце колотилось где-то в горле.

– Ты охренел?! – заорал я, но стёкла были глухие, а тонировка – непробиваемая.

Я подошёл снова. Постучал в третий раз. Уже не вежливо – кулаком.

Ноль.

Зато появилась тропинка. Внедорожник сдал чуть назад, и между ним и стеной образовался проход. Узкий, но я протиснулся.

Я прошёл бочком, не спуская глаз с машины. На прощание покрутил пальцем у виска – вдруг увидят? – и нырнул в подъезд.

Дверь захлопнулась. Я выдохнул.

Надеюсь, полиция приедет быстро. И этот псих уедет.

Юрий Степанович открыл дверь почти сразу. Выглядел он бодро – даже слишком. Приосанился, глаза блестят. Я хотел спросить про самочувствие, но не успел – он выхватил удочки у меня из рук и уставился на них, как кот на сметану.

Я замер.

– Мне продавец сказал, – начал я осторожно, – что это один в один как ваши старые.

– Не старые, – отрезал сосед. – Раритетные.

– Ну как? – я аж затаил дыхание.

Он крутил удочки в руках, разглядывал, поглаживал, даже постучал по чему-то.

– Где покупал?

– В «Щукаре», в нашем ТЦ.

– Знаю такой.

Пауза. Долгая, тягучая.

– Пойдёт, – бросил он наконец.

И захлопнул дверь прямо перед моим носом.

– Пожалуйста, – ответил я пустоте.

Из-за двери донеслись многочисленные щелчки. Замки, цепочки, задвижки – казалось, у него там сейфовая дверь, а не обычная квартира.

Я пожал плечами и пошёл к себе.

Выходной. Квас. Фисташки. Сериалы.

План был идеальным. Я развалился в старом кресле, которое помнило ещё детдомовскую мебель, открыл двухлитровку кваса – моего любимого, тёмного, с хлебным духом. Насыпал в миску фисташек, включил ноутбук, нашёл какой-то детектив...

И тут за окном завьела сирена.

Сначала тихо, потом всё громче. Я подскочил, подбежал к окну. Точно, полицейская «Шкода» с надписью: «ДПС» на капоте. Мигалки сверкают, сирена орёт. Машина остановилась прямо у нашего подъезда, посигналила – «кря-кря», как утки на пруду.

Я выскочил на балкон. Он как раз над входом, всё видно, как на ладони.

Из патрульной машины вышел инспектор. Молодой, подтянутый, фуражку на ходу надевает. Подошёл к чёрному внедорожнику, постучал в стекло. Ждёт.

Минута. Другая.

Окно приоткрылось. Совсем чуть-чуть, узкая щель. Я даже с балкона увидел – там темнота.

Инспектору что-то сказали. Я не слышал, но увидел, как он вытянулся по струнке. Отдал честь. И быстрым шагом – почти бегом – вернулся в машину. Мигалки погасли. «Шкода» развернулась и уехала.

Я стоял на балконе с открытым ртом.

Что это было? Кто там сидит, что гаишник, забыв про все правила, просто свалил, как ошпаренный?

Может, бандит какой? Или спецслужбы? Но тогда что им нужно в нашем дворе, где живут старики и такие же лохи, как я?

И тут до меня дошло.

Я же стучал в это окно. Требовал убрать машину. Чуть не нарвался.

Меня аж в жар бросило. Я быстро зашёл в комнату и зачем-то задернул шторы. Мало ли.

Сел в кресло, взял квас. Руки дрожали.

Но сериал и фисташки сделали своё дело. Через полчаса я уже забыл про чёрный внедорожник и странного соседа. Мысли утекли в экран, где детектив ловил маньяка, а я просто отдыхал. Выходной всё-таки.

Я закончил смотреть сериал далеко за полночь.

Ноутбук уже нагрелся так, что на коленях не удержать, а я всё пялился в экран, как замороженный. Детектив попался такой, что оторваться невозможно – маньяк, интриги, неожиданные повороты. Квас давно выдохся, фисташки закончились, а я всё сидел.

Когда пошли титры последней серии, часы показывали начало третьего.

Я потянулся, хрустнул шеей и только тут вспомнил про утреннее происшествие. Чёрный внедорожник, странный тип за рулём, полицейский, который сбежал, как нашкодивший щенок.

И сам не знаю зачем – то ли любопытство, то ли дурость – я вышел на балкон.

Ночной воздух ударил в лицо свежестью. Где-то вдали гудел город, но здесь, в нашем дворе, было тихо. Фонари горели тускло, разгоняя темноту жёлтыми пятнами.

Я глянул вниз и обомлел.

Чёрный «Тахо» стоял на том же месте. У входа в подъезд. Как вкопанный.

– Ни хрена себе, – прошептал я.

В машине горели фары. Двигатель работал – я слышал этот низкий, урчащий звук даже с пятого этажа.

Постоял, посмотрел, почесал затылок. Потом махнул рукой и пошёл спать.

Почистил зубы, умылся, натянул трусы и уже собрался нырять под одеяло, как вдруг замер.

Шаги.

На лестничной клетке.

В нашем подъезде, конечно, иногда кто-то ходит. Но не в третьем часу ночи. И не так... крадучись. Тихие, осторожные, будто кто-то старается не шуметь, но подошвы всё равно шаркают по бетону.

Я замер, прислушиваясь.

Шаги стихли. Прямо на нашем этаже.

Сердце заколотилось где-то в горле. Я медленно, стараясь не скрипеть половицами, подкрался к двери. Прильнул щекой к холодному металлу, затаил дыхание.

В глазок – темнота.

У нас в подъезде, конечно, неяркие лампы, но они горят всегда. Две штуки на этаже, света дают ровно столько, чтобы не расшибиться. А сейчас – хоть глаз выколи. Будто кто-то выкрутил лампочки или заклеил их.

И тут – бах! – стало светло.

Резко, неожиданно. В глазок ударил такой яркий свет, что я рефлекторно зажмурился. А когда открыл глаз – в поле зрения уже никого не было.

Только удаляющиеся шаги. Тяжёлые, быстрые. Вниз по лестнице.

Я стоял в ступоре, тупо глядя на дверь. В голове – ни одной мысли. Только вакуум и лёгкое жужжание.

И тут с балкона – рёв двигателя.

Я рванул туда, чуть не споткнувшись о тапок. Высунулся по пояс, вцепившись в перила.

Чёрный внедорожник, взвизгнув шинами, вылетел из-под арки и скрылся за поворотом.

Через секунду только красные хвостовые огни мелькнули и пропали.

Я долго стоял на балконе, вглядываясь в темноту. Сердце колотилось, как бешеное.

Уснуть я не мог ещё долго.

Ворочался с боку на бок, сбивал одеяло, пинал подушку. В голову лезли мысли – одна страшнее другой.

Кто это был? ФСБ? Спецслужбы? К кому они приходили на нашем этаже?

Я перебрал всех соседей. На площадке нас трое: я, Юрий Степанович и квартира напротив, где уже полгода никто не живёт. Значит, либо ко мне, либо к нему.

Но ко мне-то зачем? Я обычный парень, работаю в веломагазине, кредиты выплатил, в политику не лезу, наркотики не употребляю. Даже с девушками отношения не складываются – некому за мной следить.

А если... если Юрий Степанович не тот, за кого себя выдаёт?

В голове закрутилось: злой, нелюдимый, вечно молчит, взгляд тяжёлый. Квартира как сейф – десяток замков. И этот его «полицейский на пенсии»... А что, если он никакой не полицейский? Что, если он сам из этих... ну, из спецслужб? Или вообще из банды?

Я вспомнил утренний разговор. «Наркотики – зло» – ляпнул я тогда. А он так странно посмотрел...

Короче, уснул я только под утро.

Проснулся от грохота.

Сначала подумал – в мою дверь ломятся. Вскочил, схватил первое, что под руку попало – тапок, замер. А потом понял: ремонт. Сосед с третьего этажа.

Это был единственный бич нашего спокойного подъезда. Мужик делал ремонт – я так и не понял, какой именно. Он начинал его раз в полгода, долбил стену дня три, потом затихал. Я подозревал, что он просто выдалбливает себе пещеру вручную, потому что другого объяснения этому долбёжу у меня не было.

Часы показывали десять утра. Я умылся, оделся, решил сходить в магазин за продуктами. Ну и заодно развеяться, проветрить голову.

Подошёл к двери, взялся за ручку – и замер.

За дверью – шаги. Соседские.

Я прильнул к глазку. На этот раз он не был заклеен.

Юрий Степанович открыл дверь, осторожно выглянул, окинул лестничную клетку подозрительным взглядом. Потом вышел и быстро, почти бегом, направился к лестнице.

В руке у него был конверт. Обычный, почтовый, белый.

Я дождался, когда шаги стихнут внизу, и пулей вылетел следом.

Сам не знаю, зачем я это делал. Может, детектив на меня так повлиял. Может, ночные страхи. А может, просто любопытство – качество, за которое наказывают чаще всего.

На улице сосед уже скрывался в арке. Я припустил за ним.

Он шёл быстро, но постоянно озирался. Я прятался за остановками, за спинами прохожих, за деревьями. Каждые сто метров он оборачивался – это уже не паранойя, это профессионализм.

Или я просто пересмотрел сериалов?

У ларька с фруктами он остановился. Взял яблоко, поднял над головой, посмотрел на него через солнце, как на рентгеновский снимок. Потом положил обратно и пошёл дальше.

Что это? Секретный жест? Кому сигнал?

Я оглядел улицу – люди, машины, голуби. Никто не среагировал.

Юрий Степанович зашёл в здание «Почты России».

Я за ним.

Внутри было людно – бабки с квитанциями, студенты с посылками, мужики с газетами. Я встал в очередь, оказавшись через человека от соседа. Передо мной парень с огромной коробкой – прикрытые что надо.

Очередь двигалась быстро. Скоро Юрий Степанович оказался перед окошком.

Я впервые видел, чтобы он говорил так вежливо. Наклонился к окошку, улыбнулся, что-то объяснял. До меня долетали обрывки:

– Как обычно...

– Наличными...

– Лотерейный билет один давайте...

Он отправил письмо и резко развернулся к выходу.

Я едва успел отвернуться и вжаться в витрину с консервами и машинками. Прижался так, будто хотел слиться со стеклом.

Поворачиваю голову – а на меня смотрит бабка, стоящая за мной. Смотрит с таким удивлением, будто я инопланетянин, который только что приземлился.

Я не придумал ничего лучше, чем ткнуть пальцем в банку персиков и выпалить:

– Персики офигительные!

Бабка моргнула. Посмотрела на банку. Снова на меня.

– Следующий! – рявкнули из окошка. – Молодой человек, очередь не задерживайте!

Я подскочил к окошку. В голове – каша.

– Здравствуйте! – выпалил я. – У моего дедушки с памятью плохо. Он только что письмо отправлял. Я бы хотел проверить адрес, убедиться, что правильно написал.

Почтальонша – полная женщина с бейджиком «Зоя Ивановна» – закатила глаза так, что они, кажется, сделали полный оборот.

– Какой дедушка?

– Только что отправлял. Перед парнем с коробкой.

– Юрий Степанович? – она даже бровь приподняла. – У него с памятью всё отлично. И внуков у него нет. Вы что-то путаете, молодой человек. Проходите, не задерживайте.

Я понял, что проваливаюсь.

– Ладно. – Я наклонился к окошку и перешёл на шёпот. – Я из полиции. Уголовный розыск. Мне нужно это письмо.

Зоя Ивановна посмотрела на меня. Долго. Очень долго.

– Удостоверение предъявите, – сказала она ледяным тоном.

Я судорожно похлопал по карманам. Нашупал пропуск в «Веломир». Быстро выхватил, показал на секунду и спрятал обратно.

Зоя Ивановна даже не повелась.

– Слушай, ты, «Веломир», – произнесла она так, что у меня мурашки по спине побежали. – Я тебя сейчас реально в полицию сдам. За попытку мошенничества. Вали отсюда, пока цел.

Я ретировался.

Уже отходя, услышал за спиной голос той самой бабки:

– И вот ту банку персиков, дочка. Хочу офигительные попробовать.

Я улыбнулся. Хоть кому-то реклама зашла.

На улице соседа не было. Растворился.

Я поплёлся в магазин. Купил продуктов, побрёл обратно. Решил срезать через арку соседнего дома – там ближе.

Только завернул, как меня схватили за грудки и с силой вжали в стену.

– Что вы... – попытался выдохнуть я, но рот тут же закрыли ладонью.

Юрий Степанович. Глаза злые, рука железная. Для старика он был неожиданно сильным – я даже дёрнуться не мог.

– Ты чего меня пасешь, щегол? – прошипел он.

– Да я... в магазин... – промычал я сквозь пальцы.

Он чуть ослабил хватку, но не отпустил.

– Я тебя ещё от подъезда срисовал. А потом на почте, что про меня выпытывал? Кто тебя послал?

– Никто! Честно! – я пытался говорить убедительно, но получалось плохо.

– Правду говори!

Он потрянул меня так, что зубы клацнули. И тут, на мое счастье, в арке показалась семейная пара. Мужчина в очках, женщина с сумкой. Медленно, неспешно прогуливались.

– ПОМОГИТЕ! – заорал я что есть силы.

Они остановились. Посмотрели на меня. На Юрия Степановича. Переглянулись. Подошли.

– Что здесь происходит? – спросил мужчина, протирая очки.
– Карманник, – выпалил Юрий Степанович, не моргнув глазом. – На почте пытался деньги украсть. Я его задержал.
– Не врите! – заорал я. – Он всё врёт!

Мужчина переводил взгляд с меня на соседа и обратно. Женщина смотрела с подозрением.

– Уголовный розыск, – сказал старик и, достав удостоверение, показал его прохожим. В открытом виде, чтобы прочитали.
– Действительно карманник? – удивилась женщина. – А выглядит прилично...
– Да они все так выглядят, – отрезал Юрий Степанович. – В доверие втираются, а потом – раз! – и готово.
– Может, вам помочь, товарищ капитан? – спросил мужчина.
– Спасибо за бдительность, – кивнул сосед. – Справлюсь. Наряд уже едет.

Семейная пара пошла дальше. Мой единственный шанс на спасение ушёл вместе с ними.

– Да какой вы мент! – взвыл я в отчаянии. – Вы же уголовник!
– Чего? – Юрий Степанович даже опешил.
– За вами спецслужбы следят! Ночью на этаж поднимались! Глазок заклеили! Что вы там делали?

Он отпустил меня. Посмотрел долгим, тяжёлым взглядом. Потом оглянулся по сторонам.

– А ну-ка рассказывай подробно.

Я выпалил всё. Про сериал, про ночные шаги, про свет в глазок, про машину, про всё.

– А ночью я детектив смотрел, – закончил я. – Там сосед маньяком оказался. Я и подумал...

Юрий Степанович скривился. Потом рассмеялся. Неестественно так, натянуто, но смех был.

– Ты, парень, сериалов поменьше смотри, – сказал он. – А теперь пошли.

Мы вышли из арки во двор. И я тут же вжался обратно.

– Ты чего? – удивился сосед.

Я показал пальцем. Чёрный «Тахо» стоял у соседнего дома. Сменил дислокацию, но мордой смотрел прямо на наш подъезд.

Юрий Степанович проследил за моим взглядом. Помрачнел.

– Я домой, – бросил он. – А ты погуляй часик. Не приходи сразу.

Дважды просить не пришлось.

Я рванул в торговый центр. Проторчал там полдня. Зашёл к своим, поболтал с Саней и Эдиком, выпил кофе, посмотрел на новые велосипеды.

А сам всё думал.

Что происходит в нашем тихом дворе? Кто этот странный сосед? И что ему нужно от меня?

Ответов не было. Но было чувство, что скоро они появятся. И вряд ли мне это понравится.

Домой я вернулся, когда уже начало темнеть.

Чёрный «Тахо» стоял на том же месте. Как приклеенный. Фары не горели, двигатель молчал, но от этой машины веяло такой угрозой, что у меня мурашки по коже бегали.

Я постоял во дворе минуту, другую. Сделал глубокий вдох. Собрал всю волю в кулак и, глядя себе под ноги, решительно зашагал к подъезду.

В подъезде было тихо. Лампочки горели ровно, никаких теней, никаких подозрительных звуков. Я поднялся на свой этаж, уже вставил ключ в замочную скважину, как вдруг...

– Шпион, заходи.

Шёпот. Тихий, но отчётливый. Соседская дверь приоткрылась на пару сантиметров, и в щели блеснул глаз Юрия Степановича. Он смотрел не на меня, а вниз, на лестничный пролёт.

– Чего встал? Заходи быстро, – прошипел он.

Сердце ушло в пятки. А потом подскочило к горлу.

Мне было страшно. Дико, до дрожи в коленях. Но любопытство – эта сволочь – пересилило.

Я выдержал паузу. Секунду. Две. Три.

И шагнул внутрь.

Квартира соседа оказалась зеркальным отражением моей.

Те же стены, та же планировка, но совсем другой мир.

В нос ударил запах. Едва уловимый, но невероятно приятный. Цветы. Какие-то нежные, может розы, может ещё что-то. Я не разбираюсь, но пахло так, будто я зашёл в оранжерею, а не в квартиру старого, ворчливого мужика.

Прихожая была аскетичной до невозможности. Ни тумбочки, ни зеркала, ни полки для обуви. Только массивный крючок, вбитый в стену на уровне плеча. На нём висели две куртки: огромный зимний тулуп, какие в русских сказках рисуют, и лёгкая бежевая плащевка. Сверху, на тех же крючках, пристроились меховая шапка и та самая кепка, в которой я всегда видел соседа.

На полу – коврик. Старенький, потёртый, но чистый. На нём стояли две пары обуви: чёрные лакированные туфли, начищенные до зеркального блеска, и разношенные ботинки.

В один из туфель торчала авоська. Аккуратно свёрнутая, сетчатая, как у бабушек в советское время.

Я замер, разглядывая это хозяйство.

– Куртку на крючок, – раздался сзади голос. – Обувь на коврик. И не топчись, как лось.

Я скинул ветровку, повесил на единственный свободный гвоздик. Обувь поставил рядом с хозяйскими.

Окно кухни выходило прямо во двор. Юрий Степанович глянул на улицу, нахмурился и решительно задвинул штору.

– Нечего перед ними светиться, – буркнул он и махнул рукой в сторону комнаты. – Пройди.

Я шагнул внутрь.

И снова замер.

Комната была... странной. Не бедной, нет. Но какой-то очень настоящей.

Вдоль всей стены стоял огромный старый шкаф. Дубовый, тёмный, с резными наличниками – такие ещё в прошлом веке делали, на совесть. На полках теснились книги. Тысячи книг. Старые корешки, потёртые, с золотым тиснением. Классика, справочники, какие-то толстые тома без названий.

В середине шкафа, в специальной нише, стоял телевизор. Пузатый, с выпуклым экраном. Он не влезал в нишу полностью – задняя часть торчала наружу, и чтобы конструкция не рухнула, под неё подставили табуретку. Старенькую, шаткую, но, видимо, надёжную.

Напротив шкафа притулился диван. Выдавший виды, с потёртой обивкой и множеством царапин на деревянных подлокотниках. Хозяин пытался прикрыть их старой накидкой, но получалось так себе – царапины всё равно выглядывали.

Рядом – журнальный столик. На нём лампа с зелёным абажуром, книга с закладкой и дымящиеся палочки. Те самые, от которых шёл этот божественный аромат.

Мой взгляд скользнул дальше. И остановился.

Фотография.

Одна-единственная на весь шкаф. В старой деревянной рамке, с выцветшими краями.

Я подошёл ближе.

Снимок был датирован 2010-м годом. Судя по всему, сделан в этой самой комнате. На диване сидел молодой Юрий Степанович – я с трудом узнал его. Подтянутый, улыбающийся, с живыми глазами. Рядом – женщина, красивая, с добрым лицом. А между ними – маленькая девочка лет пяти. Она держала на руках рыжего котёнка и смотрела в объектив с таким счастьем, что у меня защемило сердце.

Они были семьёй. Настоящей, счастливой семьёй.

– Ты куда полез? – голос соседа раздался за спиной неожиданно резко.

Я вздрогнул. Обернулся.

Он стоял в дверях, сжимая в руках две кружки с дымящимся чаем. Лицо его было хмурым, но в глазах мелькнуло что-то... болезное? Тоскливое?

– Это ваша семья? – спросил я тихо, кивая на фото.

– Не твоё дело, – отрезал он.

Подошёл к шкафу, поставил кружку на столик и, не глядя на меня, перевернул фотографию лицами вниз. Резко, почти зло.

Я промолчал. Что тут скажешь?

Юрий Степанович сел на диван, шаркая тапочками. Кивнул на столик:

Я обрадовался, схватил кружку и сделал большой глоток.

– Спасибо! – выдохнул я.

– Ты че?! – он аж подскочил. – Я себе налил! Ой, паразит...

Я замер с кружкой в руке. Посмотрел на неё. На него. Снова на неё.

– Извините, – протянул я, пытаюсь вернуть чай обратно.

– После тебя не буду, – отмахнулся он. – Сам пей. Раз уж начал.

Я осторожно поставил кружку на стол, не зная, что делать дальше. Стою посреди комнаты, как истукан.

– На диван могу сесть, или на пол садиться? – спросил я, пытаюсь разрядить обстановку.

Юрий Степанович глянул на меня. В глазах мелькнуло что-то похожее на улыбку, хотя лицо оставалось каменным.

– Можешь, – буркнул он.

И я готов поклясться – он пытался замаскировать улыбку ухмылкой. Но я видел. Видел этот уголок губ, который дрогнул.

А потом он начал рассказывать.

Сначала медленно, с паузами, будто каждое слово приходилось вытаскивать клещами. Потом быстрее, увлеченнее, словно прорвало плотину.

Оказалось, что Юрий Степанович – заядлый рыбак. Вся жизнь, с детства. Рыбалка была для него не просто хобби, а отдушина. Способ сбежать от людей, от работы, от всего этого безумного мира.

– Я с людьми каждый божий день работал, – говорил он, глядя куда-то в сторону. – Преступники, свидетели, потерпевшие... Горе, кровь, слёзы. А там, на природе, – тишина. Только вода и небо.

Он нашёл место. Глухое, дикое, вдали от дорог, деревень, цивилизации. Договорился с местным лесником, поставил сторожку. Добраться туда можно было только по реке – сплавиться на лодке. Машина не проедет, пешком от ближайшей деревни – полсотни километров через тайгу.

– Рай, – выдохнул он. – Настоящий рай.

Раз в два года, пока работал, брал отпуск на три недели и уезжал в глушь. А после выхода на пенсию стал ездить чаще. Но в последнее время возраст начал сказываться. Лодку накачать, припасы затащить, дрова нарубить – всё тяжелее.

– Последняя поездка, – он помрачнел, – как раз из-за спины оборвалась. Ты помог тогда.

Я кивнул, боясь перебивать.

– И вот эта поездка... – он замолчал, подбирая слова. – Она оказалась необычной.

Он рассказал, как однажды утром пошёл за грибами. Лес, тишина, птички поют. И вдруг – следы. Человеческие. Свежие. Несколько пар.

Юрий Степанович насторожился. Ружьё с плеча снял, пошёл по следам. Не охотник он, конечно, но бывший опер – чуйка обострённая.

Следы привели к огромному дереву. В дупле – искусственном, как сразу понял старик – лежал кейс. Тяжёлый, стальной, с кодовым замком.

Он огляделся. Тишина. Пустота.

Тогда он достал нож – толстый, массивный, «для выживания», как он сказал – и вскрыл замок.

– Думал, наркота, – усмехнулся он. – Или стволы. Или деньги. А там...

Он развёл руками.

– Папки. Старые, ветхие, с какими-то схемами. Названия: «Векторы», «Сириус», «МИР», «Бездна». Я ничего не понял. Прочёл – расчёты, чертежи, графики. Для меня – китайская грамота.

В этот момент вдалеке хрустнула ветка.

– Я кейс обратно сунул, – продолжал он. – И рванул в сторожку. Нервы ни к чёрту, спину прихватило. Собрался и уехал.

А когда выезжал из деревни, заметил хвост.

Чёрный «Тахо» без номеров, с тонировкой шёл за ним по трассе, держа дистанцию.

– Я сразу понял – не совпадение, – голос его стал жёстче. – Опыт, знаешь ли. Замедлялся – он замедлялся. Ускорялся – он ускорялся. На старенькой «Ниве» от такого монстра не уйдёшь.

На въезде в Екатеринбург он увидел пост ДПС. Остановился, вышел. Внедорожник поравнялся с ним, замер на секунду и рванул прочь.

– Думал, всё, отстал. А после твоего рассказа про ночные похождения, – он кивнул на дверь, – я проверил подъезд. Нашёл камеру. Маленькую, направленную прямо на мою дверь.

– И что? – выдохнул я.

– Растоптал, – усмехнулся он. – Позвонил сослуживцам. Попросил пробить, что за птица.

– И что? – выдохнул я.

– И мне сказали, – он понизил голос, – что это такие серьёзные дяди, что лучше бы я наркотики нашёл. Что это кто-то выше правительства и спецслужб. И чтоб я забыл всё, что видел.

Я сидел с открытым ртом.

– Выше правительства? – переспросил я. – Это как?

– А я знаю? – он развёл руками. – Я таких не встречал.

– Может, иллюминаты? – ляпнул я. – Или тамплиеры?

Юрий Степанович посмотрел на меня с таким выражением, будто я только что предложил ему сходить на Луну пешком.

– Ты идиот или как? – выдохнул он. – Я начинаю жалеть, что тебе рассказал.

– Так вы и не сказали главного, – не унимался я. – Зачем мне это рассказывать?

Он замолчал. Долго смотрел куда-то в сторону, на перевернутую фотографию.

– Во-первых, – начал он тихо, – я подумал, что ты тоже можешь быть в опасности. Раз они за мной следят, то и за тобой могут. А ты парень вроде неплохой, хоть и дурак.

Я промолчал. Спорить не хотелось.

– А во-вторых... – он запнулся. – Во-вторых, я просто одинокий человек. Мне больше не с кем поговорить.

Последнее ударило меня прямо в сердце.

Я виновато опустил взгляд. В комнате повисла тяжёлая, вязкая тишина. Слышно было только, как тикают старые часы на стене.

Одинокий. Человек, у которого когда-то была семья, жена, дочка, котёнок. А теперь – только старый диван, книги и запах роз.

Я почувствовал эту боль. Острую, ноющую, как зубная. Боль одиночества, которая исходила от моего собеседника.

– Спасибо, – сказал я тихо. – Что рассказали. И что... что позвали.

Он только махнул рукой.

– Допивай чай. И вали домой. Завтра на работу, небось.

Я допил. Поднялся. У двери обернулся:

– Юрий Степанович... А можно я к вам ещё зайду? Просто так. Поговорить.

Он посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом. Потом кивнул.

– Заходи. Только без глупостей.

Я вышел в подъезд. Дверь за мной захлопнулась.

А я стоял на лестничной клетке и чувствовал, что в моей жизни что-то изменилось. Что-то важное.

За окном уже совсем стемнело. Чёрный «Тахо» стоял на месте, сверкая фарами.

Но мне почему-то стало не так страшно.

Я долго лежал в кровати после того, как вернулся от соседа.

Часы показывали уже далеко за полночь, а сон не шёл. Я пялился в потолок, на котором играли тени от проезжающих машин, и думал. Думал о том, что рассказал Юрий Степанович. О кейсе с бумагами, о чёрном внедорожнике, о камере в подъезде. Обо всех этих «Сириусах», «Векторах» и прочей хрени, которая звучала как название дешёвого детективного фильма.

Но ещё больше я думал о другом. О его семье. Та фотография в шкафу не выходила у меня из головы. Молодой, улыбающийся Юрий Степанович. Красивая женщина рядом. Маленькая девочка с котёнком. Они были счастливы. Это читалось по глазам, по позам, по той особой ауре, которая окружает по-настоящему счастливых людей.

Где они сейчас? Что случилось?

Почему он живёт один в этой старой квартире, с книгами, с пузатым телевизором и дымящимися палочками, которые пахнут розами?

Вопросы крутились в голове, как белка в колесе. Я перебирал варианты, придумывал истории, но ни одна не казалась правильной.

Уснул я только под утро.

А в 7:15 утра раздался стук в дверь.

Я подскочил так, будто меня током ударило. Сердце заколотилось где-то в горле. На часах – 7:15! Даже будильник, который должен был разбудить меня на работу, стоял на 8:00 и мирно тикал, дожидаясь своего часа.

Стук повторился. Настойчивый, но не агрессивный.

В свете последних событий я был не рад никаким визитёрам. На цыпочках, стараясь не скрипеть половицами, я прокрался в коридор. По пути прихватил швабру – единственное оружие, которое нашлось в моём арсенале.

Замер у двери. Прильнул к глазку.

Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно во всём подъезде.

И вдруг – выдох.

– Фу-у-ух, – сказал я вслух и начал открывать замок.

– Баба Маша! Доброе утро! – я распахнул дверь.

На пороге стояла наша соседка. В цветастом платочке, с плетёной корзинкой в руках и с такой широкой улыбкой, что, казалось, она сейчас лопнет от счастья.

– Ой, Толечка, здравствуй! – засуетилась она. – А ты чего такой лохматый? Не спал, что ли?

Я глянул на швабру в своих руках.

– Да вот... прибираюсь, – соврал я.

– Молодец! Хороший хозяин растёт! – одобительно кивнула баба Маша. – А я к тебе по делу.

– Какими судьбами? Вы же на дачу собирались?

– Собирались, собирались! – закивала она. – Вот прямо сейчас и едем. С концами, до осени. Ты уж нас извини, что без предупреждения, но мы вчера собрались, а сегодня с утра пораньше – и в путь. Там сейчас самое время, картошку сажать, рассадой заниматься...

Я слушал и ждал, когда она перейдёт к сути.

– Так вот, Толечка, – баба Маша наконец протянула мне ключ. – Уважь старуху? Присмотри за квартирой? Цветы полить, проветрить иногда... Я тебе записочку приготовила.

И точно. Из кармана халата появился сложенный вчетверо лист бумаги, исписанный каллиграфическим почерком. Я развернул. Там было расписано всё: какие цветы где стоят, как часто поливать, в какие дни проветривать, даже в какие часы лучше это делать, чтобы «солнышко не обожгло листочки».

– Баба Маш, да я помню, – попытался вставить я. – Вы в прошлом году уже давали инструкцию.

– А вдруг забыл? – она подняла палец. – Молодёжь сейчас вся в телефонах своих, память короткая. Ты уж не обижайся, но лучше перестраховаться.

Я кивнул, принимая ключ и бумажку.

Баба Маша явно не торопилась уходить. Она топталась на пороге, заглядывая мне через плечо, будто проверяя, не завёлся ли у меня кто.

– Баб Маш, – сказал я, и тут мой взгляд упал на дверь соседа. – А вы же давно здесь живёте?

– Ой, Толечка, – всплеснула она руками. – Так давно, что самой страшно! Этот дом ещё строили, когда мы с Володей только поженились. Нам квартиру дали, как молодым специалистам. Я тогда на заводе работала, а Володя...

– Баба Маша, – аккуратно перебил я. – А что случилось с семьёй Юрия Степановича?

Она замерла. Улыбка медленно сползла с её лица.

– Откуда ты знаешь про семью? – спросила она тихо.

– Я ему помог на днях, – начал объяснять я. – Спину прихватило, он с рюкзаком не мог подняться. Я занёс, а там...

– А там фотографию увидел? – догадалась баба Маша.

Я кивнул.

– Ой, Толечка, – она покачала головой. – Он тебя в квартиру пустил? Видать, совсем плохо стало. Он же никого не пускает. Я как-то кабачков ему принесла, уродились у меня, а мы столько не съедим, так он их через порог принял и дверь закрыл. Даже чаем не напоил.

– Баба Маш, – вернул я её к теме. – Что с семьёй?

Она вздохнула. Посмотрела куда-то в сторону лестницы, будто собираясь с мыслями.

– Хорошая у них семья была, – начала она тихо. – Дочка Полина – такая лапочка, вся в папу. Умница, красавица, в школе отличница. А Зойка – жена его – мне никогда не нравилась. Надменная такая, вся из себя, хотя сама деревенская простая. Откуда в ней это – ума не приложу.

– И что случилось?

– В Туапсе она хотела жить, – баба Маша махнула рукой. – Понимаешь? На море. Чтобы жизнь как у людей. А у Юрки тогда зарплата маленькая была, опера в те времена копейки получали. Ну и ругались они. Сначала редко, потом чаще. А как Полина подросла, так вообще житья не стало.

– Развелись?

– Развелись, – кивнула баба Маша. – Только не по-хорошему. Зойка вещи собрала, дочь забрала и уехала. В Москву, говорят. Кота оставили. Полина так плакала, так плакала – весь подъезд слышал. Она этого кота с пяти лет растила.

Я представил эту картину. Маленькая девочка, которая прощается с котом, потому что мама увозит её в другой город. А кот остаётся. И папа остаётся.

– А дальше?

– А дальше Поля в Москве в университет поступила, – продолжала баба Маша. – А Зойка на машине разбилась. Юрка тогда чуть с ума не сошёл. Пил неделями. На работу ходил,

но после работы – в стельку. Мы с Володей боялись, что сопьётся. Любил он ее, до последнего, понимаешь?

– А дочь?

– Юрка звал её обратно, домой. А она говорит: «Папа, я учусь. У меня Москва, институт, друзья». Ну диплом получила и сразу замуж вышла. Там и осталась.

– Так и не вернулась?

– Так и не вернулась, – вздохнула баба Маша. – А потом они по телефону поругались. Я не знаю, из-за чего. Но Юрка после этого сам не свой ходил. Попытался помириться, а она номер сменила. Он ей письма писал, на последний адрес, что знал. Каждый месяц. А ответа нет.

– Письма, – повторил я. – Так вот кому он на почту носил.

– Ты про что? – не поняла баба Маша.

– Да так, – отмахнулся я. – Мысли вслух.

– Маша! – раздалось снизу. – Поехали, хорош трещать!

Мы оба выглянули в пролёт. Внизу стоял муж бабы Маши. Я вечно забывал, как его зовут. Вроде Володя.

– Здравсте, – кивнул я.

– Здравсте-здравсте, – кивнул он в ответ и снова позвал: – Маша, ну сколько можно?!

– Ой, и правда, – засуетилась баба Маша. – Чего это я растрецалась. Побегу я, Толечка. На столе на кухне конфеты – это тебе. Не потеряй ключ-то!

И она засемила вниз, махая мне рукой на прощание.

Я постоял ещё минуту, глядя на дверь соседа. Потом закрыл свою и поплёлся досыпать.

Но стоило голове коснуться подушки, как заорал будильник.

Рабочие дни пролетели незаметно.

Обычные, серые, как все предыдущие. Я перешёл на пятидневку – Митька уговорил, сказал, что в сезон людей не хватает. Платил он щедро, так что я не возражал. Работа мне нравилась, да и коллектив подобрался душевный. Саня с Эдиком постоянно травили байки, клиенты попадались разные, но в основном нормальные.

Вечерами я возвращался домой, проверял квартиру бабы Маши (цветы были в порядке, даже без меня), поливал их по графику и ложился спать.

А на третий день случилось неожиданное.

Чёрный «Тахо» исчез.

Я вышел утром на балкон с чашкой кофе, глянул вниз и не поверил своим глазам. Место у подъезда, где последние дни стоял этот монстр, пустовало.

Я даже протёр глаза. Нет, не показалось.

Выбежал на улицу, обошёл дом. Пусто. Только обычные жигули, пара иномарок и соседский старенький «Логан».

Я выдохнул так, будто с плеч свалилась глыба бетона.

Настроение взлетело до небес.

Завтра был выходной.

Я решил, что схожу в гости к Юрию Степановичу. Куплю квас – свой любимый, тёмный, с хлебным духом. И фисташки. Много фисташек.

Надеялся, что сосед оценит. Что мы посидим, поговорим. Может, ещё что-то расскажет.

Мне почему-то казалось, что этот старый, ворчливый, одинокий человек нуждается в компании. Может, даже больше, чем я.

А может, я просто искал повод зайти к нему снова.

Потому что после разговора с бабой Машей я смотрел на него совсем другими глазами. Не как на странного соседа с тяжёлым взглядом. А как на человека, у которого была семья, была дочь, была жизнь.

И который потерял всё.

Кроме старого дивана, книг и запаха роз.

Глава 3. Когда небо упало на землю

Выходной...

Какое приятное слово. Оно буквально ласкает слух, разливается по ушам тёплым мёдом, поднимает настроение с нуля до ста за секунду.

Сегодня я проснулся не от будильника. Нет. Я проснулся, когда захотел. А захотел я проснуться ближе к обеду.

Часы показывали 11:43. Идеальное время для подъёма в выходной.

Я потянулся, хрустнул шеей, почесал пузо и поплёлся на кухню. Там меня ждал священный ритуал – мой любимый завтрак.

Я называл его «английская шакшука».

Придуманный мной парадокс, оксюморон, но звучит же красиво? Английская шакшука. В этом есть что-то аристократическое, хотя на деле – простейший холостяцкий набор.

Рецепт прост до безобразия, но требует времени. Именно поэтому он только по выходным.

Два ломтика бекона. Две колбаски – я беру охотничьи, они жирные, сочные. Всё это на сковородку, жарить до шкварок, чтобы край поджарился, а внутри осталось мягким. Потом – на тарелку.

В ту же сковородку, не смывая жир, – лучок. Порезать мелко, обжарить до золота. Туда же помидор, чеснок, болгарский перец. Чуть соли, чуть перца. Когда всё это зашипит и пустит сок – разбить пару яиц. Сверху зелень – я люблю петрушку, но укроп тоже сойдёт.

Пока яйца схватываются, в микроволновку – банку бобов в томатном соусе. Две минуты – и готово.

Хлеб – обжарить на сухой сковородке, до хрустящей корочки.

Всё это великолепие выкладывается на большой поднос. Рядом – чашка кофе. Не из турки, я не сноб, просто хороший растворимый, но с пенкой, с сахаром. И конфетка – «Птичье молоко». Обязательно.

Я называю это венцом моего кулинарного творения.

В будни у меня каша. Овсянка, с мёдом и цукатами. Кофе – в термокружку, чтобы пить уже на работе, пока первый клиент не пришёл.

А сегодня – праздник.

Я развалился в старом кресле, поставил поднос на колени, включил ноутбук. На экране – очередная серия детектива, который я смотрю уже третью неделю. Вкусно, тепло, уютно.

Идеальное утро.

Как вы уже могли догадаться, я жуткий домосед.

Да, я знаю. В 27 лет надо тусоваться, ходить по клубам, знакомиться с девушками, путешествовать. А я – вот он. В кресле. С подносом. В трусах.

У меня есть несколько знакомых. Мы переписываемся в мессенджерах, иногда созваниваемся. Раз в полгода можем встретиться, выпить пива, поболтать о всякой ерунде. Но чтобы

пряма друзья... Чтобы позвонить в два часа ночи и сказать: «Слушай, мне хреново, приезжай» – такого нет.

Единственный настоящий друг был у меня в детстве. Денис.

Мы познакомились в детдоме. Он попал туда примерно в то же время, что и я. Вместе росли, вместе бегали от воспитателей, вместе прятались в углах, когда было страшно. А потом случилось чудо – его усыновили. Какие-то финны. Представляешь? Финны. Это было редкостью – обычно забирали маленьких, до трёх лет. А тут десятилетнего пацана.

Я помню, как он уезжал. Стоял у машины, махал мне рукой и улыбался. А у самого глаза на мокром месте.

Мы переписывались несколько лет. Потом реже. Потом совсем редко. Сейчас только открытки на Новый год. У него своя жизнь, Хельсинки, работа, семья.

Но я до сих пор считаю его другом. Наверное, потому что ближе него у меня никого не было.

Эдик с Саней пытались втянуть меня в свои увлечения. Саня звал на сноуборде кататься, Эдик – на велосипедах по горам. Я отнекивался, отмазывался, придумывал причины. Ходил только на корпоративы – и то отсиживался в углу с телефоном.

Но сегодня всё пошло не по плану.

Завтрак закончился, и я пошёл к Юрию Степановичу.

Квас и фисташки были со мной. Я надеялся, что он оценит.

Дверь открылась не сразу. Я уже хотел постучать ещё раз, как за дверью зашуршало, заскрежетало, десять замков, не меньше и на пороге появился сосед.

Одет он был по-домашнему. Старенькие треники, растянутая майка, тапки на босу ногу. Но в глаза сразу бросилось другое.

Белый шарф, с какой-то надписью. Футбольный. Болельщицкий.

– Здравствуй! – бодро бросил я, протягивая пакет.

– О! Пиво с фисташками! – глаза Юрия Степановича загорелись. – Под футбол – то, что надо! Ты как знал! Заходи!

Я зашёл, но решил сразу расставить точки над i.

– Вообще-то это квас, – сказал я, ставя пакет на тумбочку.

Энтузиазм соседа чуть поулегся. Он посмотрел на пакет, потом на меня, потом снова на пакет.

– Квас, говоришь... – протянул он. – Ну ладно, квас так квас.

Мы прошли в комнату. На журнальном столике уже стояла банка пива, лежал пульт и стопка старых газет. Телевизор – тот самый пузатый монстр – был включён. На экране рябило, мелькало, шумело.

– Ты к футболу как? – спросил сосед с такой надеждой в голосе, что я не решился его разочаровывать.

– Фанат со стажем, – пожал я плечами.

– За кого болеешь?

Вопрос застал врасплох. Я лихорадочно вспомнил плакат, висевший в мастерской на работе. Какие-то мужики в форме, мяч, название...

– Милан, – уверенно кивнул я.

– ОЙ! – Юрий Степанович аж подпрыгнул. – Ну тем более! Сейчас посмотрим, как мои твоих разделявать будут!

– Ваши – это кто?

Он снял с плеч шарф и натянул его перед моим лицом. Я прищурился.

– Аджакс? – прочитал я.

– Ну-ну, болельщик со стажем, – усмехнулся сосед. – Аякс, вообще-то. Ты что, совсем петрушка?

Я отмахнулся, делая вид, что это была шутка.

Мы расположились на диване. Мне досталась мягкая подушка под попу и кружка моего тёмного кваса. Себе он открыл пиво.

– А чего футбол днём? – спросил я. – Я думал, его всегда вечером показывают.

– Легендарный финал 1995-го года, – торжественно объявил Юрий Степанович. – В записи. На кассете.

Качество было... своеобразное. Рябь, полосы, звук то пропадал, то появлялся. Разобрать, что происходит на поле, было практически невозможно. Но сосед смотрел с таким благоговением, будто это священное писание.

Я устроился поудобнее и приготовился скучать. Но, к своему удивлению, быстро втянулся.

Юрий Степанович оказался самым странным болельщиком, которого я когда-либо видел. Он сидел на диване, скрестив руки на животе, и смотрел на экран абсолютно неподвижно. Не кричал, не размахивал руками, не ругался. Просто сидел каменным истуканом с лицом, будто его заставляют смотреть скучнейшую лекцию.

Стоило мне открыть рот, чтобы что-то спросить, как он тут же прикладывал палец к губам и шипел:

– Тсс! Смотреть мешаешь! Выгоню!

Я замолкал.

Так мы просидели полтора часа. В полной тишине. Под рябь на экране и редкие комментарии диктора, которые пробивались сквозь помехи.

Когда матч закончился, Аякс выиграл, судя по тому, как довольно крикнул сосед, Юрий Степанович потянулся и сказал:

– Всё. Иди домой. Есть хочу и спать.

Я собрался уходить, уже в дверях обернулся:

– Простите, что я в футболе не разбираюсь. Я не специально.

Он посмотрел на меня. Долгим, тяжёлым взглядом. И вдруг улыбнулся. Краешком губ, но улыбнулся.

– Нормально посидели, – сказал он. – Спасибо. Приходи ещё.

Дверь закрылась.

Я стоял на лестничной клетке и пытался переварить. Это что сейчас было? Мы полтора часа сидели молча, смотрели рябь, а он говорит «нормально посидели»?

Нет, он точно самый странный человек в моей жизни.

Выходные пролетели быстро.

В понедельник я пришёл на работу, переоделся в рабочую одежду и зашёл в мастерскую. Там меня ждала гора велосипедов. К каждому была прикреплена бумажка – порядковый номер и описание поломки.

Я пробежался глазами.

Замена вилки – не, это не для утра. Слишком сложно, голова не варит.

Плановое ТО – скуотища, можно и потом.

Исправление восьмёрки – тоже скучно, хотя и быстро.

Ремонт и чистка порванной цепи – о, это то, что надо. Для разминки.

Я взялся за работу. Велосипед был старый, но ухоженный. Порванное звено – плёвое дело. Я демонтировал сломанное, поставил новое, с замком, которое защёлкивается без инструментов. Потом прочистил цепь, смазал, протёр.

Пятнадцать минут.

А человек готов был заплатить за это тысячу рублей. Третью – моя премия.

Я крутил в руках этот замок и думал: что с людьми? В моём детстве мы сами чинили всё, что ломалось. Велосипеды, самокаты, игрушки. Если цепь рвалась – находили старую, выбивали пивон, подгоняли, ставили. А сейчас... сейчас проще заплатить тысячу, чем провести полчаса со своим великом.

Нет, я не жалуясь. Мне этот подход выгоден. Просто странно.

– Толя, здорова! – в мастерскую влетел Эдик. Весь взлохмаченный, запыхавшийся, но счастливый. – Как сам?

– Пойдёт, – кивнул я. – Ты чего опять опоздал?

– Не пали, – он приложил палец к губам и оглянулся на дверь.

– Перед кем? – я пожал плечами. – Мити до обеда не будет.

– А! – выдохнул он. – Фуф... Ну тогда норм. Я чё зашёл-то? На Уктусе завтра соревнования по даунхиллу. Погнали со мной?

Я отложил инструменты.

– Я?

– Ты.

– С чего вдруг?

Эдик вздохнул, почесал затылок и выпалил:

– Мы с другом заявили на эстафету. А он заболел. Перезаявиться уже нельзя, а мне так катнуть хочется! Просить больше некого.

– Эдик, я катаюсь только по городу. С горы ни разу в жизни не ездил. Ты последнее место хочешь?

– Да плевать на место! – он аж подпрыгнул. – Я просто покататься хочу! Понимаешь? Я пролечу быстро, а ты хоть пешком с великом в руках иди. Пожалуйста!

– Эдик, у меня даже велосипеда нет.

– У меня два.

– На Уктусе, говоришь... – я задумался. – Во сколько там быть?

– В десять утра! – выпалил он. – Спасибо! Ты лучший!

Эдик пульнул в меня из невидимого пистолета и вприпрыжку умчался в торговый зал. А я остался стоять с цепью в руках.

Я согласился не потому, что хотел помочь Эдику. И не потому, что мне было его жалко. Просто мне стало интересно.

Новый опыт. Новые эмоции. Что-то, чего я никогда не делал.

Может, это сосед на меня так повлиял? Или баба Маша со своей картошкой? Или просто жизнь подталкивает к переменам?

Не знаю.

Но завтра в десять утра я буду на Уктусе. С двумя велосипедами, с Эдиком и с чувством лёгкого мандража перед неизвестностью.

Почему бы и нет.

Утром я проснулся за час до будильника.

Даже сам удивился. Обычно в выходные меня хрен поднимешь, а тут – раз, и глаза открылись, и сна ни в одном глазу. Видимо, организм чувствовал, что день будет необычным.

Я сварил кофе покрепче, пожарил яичницу с остатками вчерашней каши. Надо было зарядиться энергией по полной. Неизвестно ещё, что там за даунхилл этот. Может, это как на велике по городу кататься, только с горки. А может, что-то посерьёзнее.

Такси вызвал сразу после завтрака. Несмотря на свою природную экономность, некоторые называют это жадностью, но я предпочитаю слово «бережливость», я был ещё и крайне ответственным. Эдик, конечно, не верил в меня. Он прямо сказал: «Ты главное доедь как-нибудь, мне просто поучаствовать». А вот я, наоборот, не хотел подводить коллегу. Если уж согласился – надо выложиться.

Поэтому такси, а не автобус. Поэтому плотный завтрак. Поэтому внутренний настрой на серьёзную физическую нагрузку.

Я представлял себе даунхилл как длинный пологий спуск, на котором нужно просто рулить и изредка подкручивать педали. Беспokoился, что ноги будут ватными, как после тех велосипедных покатушек на завод, когда я через весь город пилил. Думал: «Главное – силы распределить, чтобы к концу не сдохнуть».

Как же я ошибался.

Машина приехала быстро. Махмуджон на жёлтом «Солярисе» – именно так высветилось в приложении. Всю дорогу из динамиков лились восточные мотивы, от которых у меня начало поддёргиваться плечо в такт. Город был пустой, воскресное утро, только редкие машины да счастливые собачники с невыспавшимися псами.

На окраине, куда мы приехали, располагался спортивный комплекс. Зимой здесь был горнолыжный курорт – я слышал, народ катается, очередь на подъёмники. А летом... летом, судя по тому, что я увидел, здесь было всё, что угодно.

Я даже рот открыл, когда вышел из машины.

У входа на территорию толпились люди. Много людей. Спортсмены в яркой экипировке, болельщики с флагами, просто зеваки с телефонами. Всё вокруг было украшено флагами,

растяжками, рекламными баннерами. Музыка гремела, ведущий что-то вещал в микрофон, но слов было не разобрать.

Я думал, это будут местечковые покатушки для своих. А тут – настоящий спортивный праздник.

Толпа подхватила меня и понесла к горе. Я не сопротивлялся – просто плыл по течению, глаза по сторонам. Спортсмены вокруг выглядели... ну, серьёзно. Дорогая экипировка, шлемы за десятки тысяч рублей, велосипеды, которые стоят как моя годовая зарплата. Я чувствовал себя белой вороной в своих старых джинсах и ветровке. Но тут же вспомнил: я здесь для себя. Для нового опыта. А не для того, чтобы кого-то впечатлять.

– Толяныч!

Голос пробился сквозь шум толпы. Я обернулся.

По краю дороги, лавируя между людьми, ко мне бежал Эдик. Он катил два велосипеда – по одному в каждой руке. Выглядел он при этом как заправский жонглер из цирка.

– Привет! – крикнул я, когда он поравнялся.

Велосипеды были... я даже не знаю, как их описать, чтобы без мата. Зашибись какие! Двухподвесы. Карбоновые рамы. Тормоза, от которых у любого велолюбителя потекли бы слюни. Один известный бренд, за рекламу которого мне не заплатили, поэтому название называть не буду. Но вы поняли – дорогие.

– Ты почку продал, что ли? – я кивнул на велосипеды.

– Не-а, – Эдик довольно осклабился. – Один выиграл, второй подарили.

– А чего народу столько? – я обвёл рукой толпу. – Я думал, местные покатушки.

– Не парься, – отмахнулся Эдик. – Тут до фига дисциплин разных. В нашей – всего двадцать пар заявлено.

Двадцать пар. Ну, допустим. Звучит не так страшно.

Мы свернули от основной массы народа и направились в сторону горы. Чем выше мы поднимались, тем круче становился склон. Из земли торчали корни, камни, какие-то искусственные препятствия – трамплины, кочки, повороты.

Я остановился у первой арки, думая, что это старт.

– Не, – Эдик покачал головой. – Это промежуточная точка. Наш старт – на самом верху.

Я поднял голову. Вершина горы терялась где-то в облаках. Шучу. Но выглядело внушительно.

Дисциплина, как объяснил Эдик, была экспериментальная. Эстафета. Он стартует с самого верха, где трасса самая крутая и опасная. Я жду его на промежуточной точке, и когда он передаст эстафету – качу до финиша вниз.

– Слушай сюда, – Эдик говорил быстро и серьёзно. – Стоишь тут, ждёшь меня. Как я приеду – ты стартуешь. Кати не спеша, как тебе комфортно. На время не смотри. Как проедешь – так проедешь. Принято?

Он протянул мне шлем и кулак.

– Принято, – сказал я, отбивая кулак.

Взял шлем, перевернул его, и оттуда на траву посыпались наколенники, налокотники, перчатки с жёсткой защитой. Эдик, видимо, решил подстраховать меня по полной.

Я натянул всё это добро, чувствуя себя космонавтом-любителем. Под переглядывания соперников, а некоторые смотрели на меня с плохо скрываемой усмешкой, отрегулировал седло под свой рост.

Рассмотреть виды как следует я не успел.

Гудок. Громкий, пронзительный, как сигнал воздушной тревоги.

Эдик рванул вниз.

Я смотрел на него с открытым ртом. Он летел. Не ехал – именно летел. Велосипед был продолжением его тела. Он подпрыгивал на трамплинах, приземлялся на заднее колесо, входил в повороты на такой скорости, что, казалось, вот-вот врежется в дерево, но в последний момент чудом вырুলивал.

В эти мгновения я понял две вещи.

Первая – Эдик реально крутой. Не просто болтун, а спортсмен с большой буквы.

Вторая – я, кажется, передумал. Мне туда не надо. Совсем не надо.

Но было поздно.

– ГОНИ! – заорал Эдик, пронсясь мимо меня и шлёпая по моему плечу.

Я поехал.

Не специально. Инстинктивно. Ноги сами нажали на педали, руки вцепились в руль.

И мир превратился в размытое пятно

Скорость была такой, что у меня глаза вылезли из орбит. Я думал, что знаю, что такое быстрая езда – после работы на заводе я гонял по ночному городу, ветер в лицо, адреналин. Но это было небо и земля. Это был космос и песочница.

Велосипед трясло так, что, казалось, он развалится. Колеса прыгали по камням и корням, подвеска пружинила, руль вырывался из рук. Педали крутить было не нужно – велосипед разгонялся сам, гравитация делала своё дело.

Про тормоза я вспомнил, только когда скорость достигла, как мне тогда казалось, скорости света. Люди вдоль трассы пролетали мимо меня сплошным разноцветным забором. Я не видел лиц, не слышал криков – только ветер в ушах и гул колёс.

Финиш приближался. Девушка с чёрно-белым флагом – та самая клетчатая лента, которую показывают в кино – ждала меня внизу.

До неё оставалось метров десять.

И тут велосипед подпрыгнул на кочке.

Сильно. Неожиданно.

При приземлении моя нога слетела с педали.

Концентрация, которую я держал всю трассу, лопнула, как мыльный пузырь. Я увидел финиш, расслабился – и всё. Руки ослабили руль, тело повело в сторону.

Падение.

Я помню громкий хруст. Такой же, как при рубке деревьев. Только это была не древесина.

Это была моя нога.

Я приземлился на бок и в таком положении – лёжа, на боку – пересёк финишную черту.

Дальше – как в тумане.

Ко мне бегут люди. Зрители, участники, организаторы. В толпе мелькает лицо Эдика – бледное, перепуганное. Меня отделяют от велосипеда, с которым я успел слиться в единое целое. Кто-то спрашивает, как я. А я лежу и не понимаю – как.

Пытаюсь пошевелиться. И тут...

Боль.

Она взрывается в ноге и разлетается по всему телу, как осколки гранаты. Я скривился, закричал зубами, зажмурился.

– Лежи, не двигайся, – слышу голос.

Медики. Дежурившие неподалёку, подбежали быстро. Девушка в синей форме осмотрела меня, что-то спросила, я не ответил, потому что не понял вопроса, потом повернулась к кому-то и сказала:

– Переломы возможны. Сотрясение тоже. Надо в травмпункт.

Меня погрузили в машину с красным крестом. Несколько спортсменов помогли – осторожно, стараясь не трясти. Я лежал на носилках, смотрел в белый потолок и слушал разговор фельдшеров.

– Опять экстремалы, – говорила та самая девушка. – Ради медали готовы убится.

– Молодые, глупые, – отвечал парень за рулём. – Им адреналин нужен, а последствия не важны.

Я молчал. Что я мог сказать? Что не экстремал я? Что вообще впервые в жизни с горы съехал? Что медаль мне не нужна была?

Бесполезно.

У травмпункта меня высадили.

– Дальше сам, – сказал фельдшер. – Тут недалеко.

Не обманул. Я действительно допрыгал сам. На одной ноге, держась за стены, за перила, за воздух. При каждом прыжке боль разлеталась по телу, но я терпел.

В приёмном отделении было пусто. Только пьяный мужик с забинтованной головой – маргинального вида, с перегаром, от которого мухи дохли – и бабушка, державшаяся за опухшую руку. Упала, видимо.

Меня приняли быстро. Пожилой врач, уставший, с мешками под глазами, отправил на рентген. Потом осмотрел, пощупал, покрутил мою ногу и вынес вердикт:

– Закрытый перелом лодыжки. С разрывом связок.

Я сглотнул.

– Что делать?

– Операция, – спокойно ответил врач. – Здесь и сейчас.

К такому я готов не был. Совсем. Я вообще думал, что мне гипс наложат и отпустят. А тут – операция.

Но отказываться не стал.

Если надо, значит надо.

Остеосинтез, пластина, гипс – всё как по учебнику. Я запомнил эти слова, потому что они потом долго крутились в голове.

Очнулся я уже в палате.

Чисто, светло, пахнет лекарствами. Палата на четверых, и все места заняты. Мне повезло с соседями – мужики в возрасте, спокойные, тихие. Кто-то читал, кто-то смотрел в потолок, кто-то дремал.

Пришла врач. Молодая девушка, с серьёзным лицом и добрыми глазами.

– Как вы себя чувствуете?

– Нормально, – соврал я. Нога болела, но терпимо.

– Операция прошла успешно. Пробудете у нас около недели. Потом выпишем. Две-три недели в гипсе на костылях. Потом ещё месяц-полтора в ортезе.

– Два месяца? – переспросил я.

– Где-то так.

Два месяца. Я мысленно прикинул: работа, квартира, деньги. Потом выдохнул.

Могло быть хуже. Намного хуже.

Вечером в палату влетел Эдик.

Он выглядел как сбежавший пациент психушки. Растрёпанный, глаза бешеные, в руках – пакет с апельсинами и почему-то банка сгущёнки.

– Толянчик! – он плюхнулся на стул рядом с койкой. – Ты как?

– Жопой об косяк, – выдохнул я.

– Чего говорят?

– Неделя тут, два месяца дома.

– Блин... – Эдик помрачнел. Потом вдруг оживился и полез в карман. – Кстати, держи!

Он протянул мне медаль. Круглая, тяжёлая, на ленточке. На ней выгравировано: «3 место».

– Что это? – я удивился так, что даже про ногу забыл.

– Я уделал всех в хлам, – объяснил Эдик. – Ты проиграл примерно половине. Суммарно наше время – третье место. С чем тебя и поздравляю.

Я смотрел на медаль и не верил своим глазам.

– Я твой должник, – продолжал Эдик. – Мите всё расскажу, что нужно – проси.

– Ноутбук привези, – сказал я, протягивая ключ от квартиры. – И зарядку.

– Вообще без вопросов.

Мы поболтали ещё немного. Эдик травил анекдоты, рассказывал новости с соревнований, смешил соседей по палате. Даже суровые мужики заулыбались. А когда пришла медсестра и сказала, что время посещения вышло, все дружно вздохнули.

– Заходи ещё, – сказал один из соседей. – Весело с тобой.

Эдик ушёл, а я остался лежать, разглядывая медаль. Красивая. Тяжёлая. Настоящая.

Можно ли сказать, что оно того стоило?

Конечно, нет.

Но в тот момент я так не считал.

На следующий день позвонил Митя. Он был, мягко говоря, не в восторге от моего внезапного больничного. Но изо всех сил старался скрыть недовольство.

– Ты главное выздоравливай, – говорил он сквозь зубы. – Работа никуда не денется.

– Спасибо, – ответил я. – Я скоро.

До выписки Эдик приезжал ещё дважды. В свои выходные он тащился через весь город, чтобы посидеть со мной, поболтать, рассмешить. Соседи по палате уже спрашивали: «А когда твой друг придёт?» Им нравилось.

Он же и отвёз меня домой. Притащил свои старые костыли – они пришлись впору, как раз под мой рост. Помог подняться на пятый этаж, занёс вещи.

– Может, продукты покупать? – предложил он.

– Не, – отказался я. – У меня доставка есть.

На форс-мажорные случаи у меня было приложение, где можно заказать еду из ближайших магазинов. И курьеры, если дать чаевые, даже мусор выбрасывают. Я проверял.

У подъезда, когда Эдик меня высадил, я на автомате окинул двор взглядом.

Чёрного «Тахо» не было.

Я выдохнул.

Как же хорошо дома.

Я рухнул на кровать, растянувшись в позе звезды, закинув руки за голову, глядя в потолок. Тишина. Покой. Родные стены.

Минут пять я лежал в блаженстве.

А потом в дверь постучали.

Я доковылял до коридора, открыл. На пороге стоял Юрий Степанович.

– Здравствуйте, – сказал я, выглядывая в щель.

– Ты куда пропал? – спросил он тоном родителя, отчитывающего ребёнка за позднее возвращение.

– Форс-мажор, – я открыл дверь шире, демонстрируя гипс.

Юрий Степанович посмотрел на мою ногу. Потом на меня. Потом снова на ногу.

– Тьфу мля, – сказал он.

Плюнул себе под ноги, развернулся и ушёл к себе.

Дверь захлопнулась.

Я постоял, глядя на облупившуюся краску.

– Что за человек? – выдохнул я. – Че приходил?

Ответа не последовало.

Я поплёлся обратно в комнату, рухнул на кровать и закрыл глаза.

Станный день. Странная неделя. Странная жизнь.

Но медаль лежала на тумбочке и поблёскивала в лучах заходящего солнца.

Несмотря на то, что я почти неделю провалялся в больнице, при выписке я не чувствовал себя отдохнувшим.

Наоборот. Было такое ощущение, будто я ещё больше устал. То ли от больничной еды, то ли от соседей по палате, хорошие мужики, но храпели так, что стены дрожали, то ли от самого факта, что я теперь калека.

Дома я рухнул на кровать и вырубился. Продремал весь день и всю ночь. Проснулся в десять утра с таким чувством голода, будто неделю не ел. Желудок скручивало, во рту было сухо, а в голове – только одна мысль: «Жрать».

Я потянулся, сел на кровати и чуть не вскочил по привычке. Забыл про костыли. Нога отозвалась тупой болью, напоминая, что теперь я не просто Толя, а Толя на костылях.

Ходить на них оказалось тем ещё квестом. Подмышки натирало, руки уставали, равновесие держать было сложно. Я доковылял до кухни минут за пять, хотя обычно это занимало секунд двадцать.

На кухне меня ждала беда.

Холодильник сиротливо гудел, внутри было пусто. Пара засохших сырков, начатая пачка масла с непонятным запахом и огурец, который уже начал подозрительно морщиться. В шкафах – сухари с изюмом и гречка. Всё.

Я вспомнил своё первое правило выживания: смотреть на дату продуктов. Провёл ревизию. Масло – просрочено. Огурец – на грани. Сырки – в мусорку.

Без зазрения совести я сгрёб всё в мусорное ведро. Правило есть правило.

На завтрак достались сухарики с изюмом и чай. Я налил кипяток в термокружку – она у меня специальная, с плотной крышкой, чтобы случайно не разлить, пока ковыляешь обратно в комнату.

Дальше – классика жанра. Архискудный завтрак, фоном какое-то утреннее шоу, где ведущие ржали над шутками, которые даже не пытались быть смешными. В руках – телефон.

Я открыл приложение любимого гипермаркета. Того самого, что недалеко от дома. У них была удобная опция – можно заказать продукты с доставкой. Я сидел, прикидывал, что хочу, и методично складывал товары в корзину.

Фарш – на котлеты. Картошечка. Молочко. Масло сливочное – на пюре и вообще. Помидоры, огурцы, ялтинский лук – на салат. Уксус обязательно.

Ребята! Вы не представляете, какое открытие я недавно сделал. Заправка для овощного салата – просто бомба. Две ложки масла, половина ложки девятипроцентного уксуса, половина ложки сахара, столько же соли. Всё перемешиваешь до полного растворения – и заливаешь овощи. Это просто песня!

Дальше – святое. Квас. Фисташки. Для кино вечеров, которых у меня теперь будет столько, что хоть на стены лезь. Это, пожалуй, единственное, что меня радовало в сложившейся ситуации.

Ещё пельмени взял, сметану, сыр творожный, багет хрустящий, фасоль, яйца, бекон...

Палец завис над кнопкой «Оплатить».

И тут меня осенило.

А готовить-то я как буду? Я сейчас пять минут простоял, еду выбрасывая, и нога уже ноет. А тут надо будет всё это готовить – котлеты крутить, картошку чистить, салат резать...

Я представил себя, стоящего у плиты на костылях, и мне стало дурно.

Кнопка «Очистить корзину» была нажата мгновенно.

На помощь пришли два раздела – «Готовая еда» и «Полуфабрикаты». Выбор там был не ахти, но сформировать корзину на ближайшие дни я смог. Добавив, конечно же, квас и фисташки.

Куда ж без них.

Приложение показало статус: «Сборка заказа». Доставка планировалась через сорок минут. Меня это вполне устраивало.

Я включил новый сериал. Какой-то детектив, где главный герой всё время ходил с умным лицом и находил улики, которые все, кроме него, проглядели. Я сделал погромче, чтобы урчание живота не мешало смотреть.

Ближе к концу первой серии я вспомнил про доставку. Потянулся к телефону – проверить статус.

И в этот момент с лестничной клетки донеслось:

– Ты кто нахрен такой?

Голос соседа. Юрия Степановича.

Я тут же вспомнил всю эту историю со слезкой, с чёрным внедорожником, с камерой в подъезде. Сердце ёкнуло. Я схватил костыли и поскакал к двери так быстро, как только мог.

Открыл – и обомлел.

Юрий Степанович держал за шкурку молодого парня. В прямом смысле держал – приподняв над землёй, как котёнка. Парень беспомощно дрыгал руками и ногами, пытаясь освободиться, и громко возмущался.

– Пусти! – орал он. – Помогите!

– Что происходит? – спросил я, пытаюсь понять, что за цирк тут устроили.

– Смотри! – Юрий Степанович ткнул пальцем в пакет, стоящий у моей двери. – Поймал подозрительную личность! Что-то подбросил тебе!

– Юрий Степанович, – я выдохнул, – это курьер. Он мне продукты привёз.

– А чего он без жёлтого рюкзака? – старик потрянул парня для убедительности. – Где твой жёлтый рюкзак?

– Я от магазина! – заверещал парень. – У нас их нет!

– Юрий Степанович, – я повысил голос, – отпустите его уже!

Сосед нехотя разжал пальцы. Парень грохнулся на пол, вскочил и пулей метнулся вниз по лестнице. На последней ступеньке остановился, обернулся и заорал:

– Старый козёл!

И показал пенсионеру средний палец.

– Я тебе сейчас! – зашипел Юрий Степанович, сдёрнул с ноги тапок и запустил им в парня. Но промазал – тапок стукнулся о стену, а курьер уже скрылся внизу.

Я стоял и не знал, плакать или смеяться.

– Спасибо за бдительность, – сказал я максимально иронично, но сосед, кажется, не выкупил. Он только кивнул, глянул на мои пакеты с полуфабрикатами, буркнул что-то себе под нос и закрылся в квартире.

Десять замков клацнули один за другим.

На кухне я разобрал заказ. Бефстроганов, который я выбрал, оказался вонючим и жирным. Мясо жевалось, как резина. Но голод – не тётка, я умял всё за пять минут.

День тянулся бесконечно. Я лежал, смотрел сериал, параллельно играл в телефоне, ворочался с боку на бок. К вечеру мне казалось, что я отлежал все бока, какие только можно.

И тут – снова стук в дверь.

Я открыл. На пороге стоял Юрий Степанович. Лицо – кирпичом, взгляд – исподлобья.

– Ты че? – начал он.

– И вам здравствуйте, – кивнул я, уже привыкший к его манере общения.

Он сунул мне в руки кастрюлю. Старую, эмалированную. Из-под крышки валил пар и такой аромат, что у меня слюна моментально заполнила рот.

– Это что? – спросил я.

– Волшебный суп, – буркнул пенсионер и развернулся, чтобы уйти.

– Юрий Степанович! – окликнул я.

Он остановился.

– Кастрюлю помоешь и вернёшь. Пожалуйста! – махнул он, не оборачиваясь.

– Какое «пожалуйста»? – возмутился я. – Я как его верну? Вприпрыжку с кастрюлей по лестнице?

Он обернулся. Посмотрел на мои костыли, на ногу, снова на костыли.

– Ты же калека! – дошло до него. – Забыл. Ла-адно. Давай сюда.

Он выхватил у меня кастрюлю и пошёл за мной в квартиру. Внутрь заходил так, будто ничего интересного тут нет и быть не может. Смотрел только на меня и на кастрюлю.

На кухне он по-хозяйски открыл шкаф, достал тарелку, поварёшку. Налил суп доверху – наваристый, золотистый, с кусками курицы, торчащими из бульона.

– Садись, ешь, – приказал он.

Я хотел отказаться из принципа. Типа, кто он такой, чтобы мной командовать? Но запах... Запах был такой, что принципы сразу куда-то испарились.

Я сел и начал есть.

Юрий Степанович стоял у окна, глядя во двор. Руки сложил за спиной, как генерал на параде.

– Почему «волшебный»? – спросил я, гремя ложкой.

– Жена так назвала, – ответил он, не оборачиваясь. – В конце девяностых я ранение получил при задержании. Она этот суп варила мне. Было вкусно. И показалось, что он правда волшебный. Так что это просто название.

Я жевал и думал, как много в этих словах всего. Жена. Ранение. Девяностые. Другая жизнь.

– А ваша семья где? – спросил я, чувствуя, что момент подходящий.

– У тебя на бороде, – отмахнулся он.

Шутка была так себе, но я понял – лезть не надо.

– Чего вы на курьера накинулись? – сменил я тему.

– Да откуда я знал, что он курьер, – пожал плечами пенсионер. – Я по городу хожу, вижу – все в жёлтых рюкзаках, в форме. А этот с пакетами.

– Сервисы разные бывают, – объяснил я. – Я напрямую из магазина заказывал, чтобы баллы списать. Иногда так выгоднее получается.

– Не нравится мне это, – буркнул он – Вы как заказываете? СМС-кой? Как же посмотреть? Потрогать?

– Какой СМС-кой? – не понял я.

– Ну, пишете список и отправляете?

Я засмеялся, взял телефон и открыл приложение.

– Смотрите, вот виртуальная витрина. Можно всё посмотреть, выбрать, положить в корзину...

Я протянул ему смартфон. Он взял его с таким видом, будто это инопланетный артефакт. Начал водить пальцем по экрану, листать список товаров. Периодически качал головой и что-то бормотал.

Я доел суп. Полторы тарелки – столько влезло в кастрюлю. Наелся так, что дышать тяжело.

Юрий Степанович забрал кастрюлю и пошёл к выходу. На пороге остановился.

– Не провожай. Захлопну сам, – бросил он. – Ты это... Когда следующий раз будешь курьера заказывать?

– Дней через пять.

– А время? Во сколько?

– В четверг, в 10:25, – отшутился я.

– В четверг, в 10:25 приду, – кивнул он. – Мне тоже кое-что закажешь. Я деньги дам.

– Спасибо! – крикнул я вслед, но дверь уже закрылась.

День прошёл быстро.

Как и последующая неделя.

Юрий Степанович больше не заходил. Видимо, решил, что одной порции волшебного супа достаточно. Я не обижался. Старик есть старик.

В один из дней зазвонил телефон. Эдик.

– Толянчыч, во сколько за тобой заехать?

Я чуть не подскочил. Точно! Сегодня же снимают гипс!

– Давай в восемь, – сказал я. – Справимся?

– Легко!

Поездка в больницу прошла гладко. Гипс сняли, нога выглядела бледной и худой, но целой. Врач велел купить ортез и носить его полтора месяца. К ноге можно было привставать, но без фанатизма.

Ортез оказался на удивление дорогим. Но что делать – здоровье дороже.

Эдик привёз меня обратно. Всю дорогу он травил байки про магазин, про клиентов, про Саню, который опять влюбился. Ничего интересного, но было не скучно.

Я поднялся на свой этаж и застал у двери Юрия Степановича. Он настойчиво стучал.

– Какого хрена? – спросил он, увидев меня.

– И вам здравствуйте, – ответил я. – Можно чуть детальнее?

– Сегодня четверг! – он ткнул пальцем в часы. – 10:31!

– И?

– В четверг, в 10:25 мы должны были оформлять доставку!

Я рассмеялся.

– Ну это святое. Заходите.

Юрий Степанович сарказма не понимал. Или сарказм не понимал Юрия Степановича. Мы зашли в квартиру, я накидал в корзину свои продукты, потом передал телефон соседу.

Он тыкался в экран долго и сосредоточенно. Пыхтел, водил пальцем, снова тыкал. Наконец протянул телефон мне, отсчитал деньги и сунул их мне в руку.

Мои руки были заняты костылями и коробкой из-под ортеза, поэтому я, не глядя, попросил:

– Положите на комод в прихожей.

Сосед положил и ушёл.

А я рухнул на кровать и принялся ждать.

Время шло.

Час. Два. Три.

В приложении висел статус: «Ищем курьера». Я обновлял страницу, перезагружал телефон, даже приложение переустанавливал – бесполезно.

В какой-то момент я заподозрил, что всё зависло. Такое иногда случалось. Но под дверь было пусто, и я решил позвонить в поддержку.

– Оператор Юлия, добрый день! Чем могу помочь? – голос в трубке звучал дружелюбно.

– Здравствуйте! У меня вопрос по доставке, – начал я. – Заказ висит со статусом «Ищем курьера» уже третий час. Это нормально? Может, ошибка?

– Сейчас проверю, – зашуршали клавиши. – Заказ на имя Анатолий, последние цифры телефона 82?

– Да, всё верно.

– Ошибки нет, – подтвердила девушка. – Но заказ очень тяжёлый. Шестьдесят один килограмм.

– Чего? – переспросил я.

– Шестьдесят один килограмм, – повторила она. – Мы ожидаем парных курьеров. Они сейчас все на линии. Доставка будет сегодня, в течение дня. Так же доставка будет платной – четыреста рублей. Но я вижу, что вы оплатили часть бонусами. Подскажите, будете ждать?

У меня челюсть отвисла.

Я полез в телефон, открыл заказ. И обомлел.

Список Юрия Степановича:

– Тушёнка по ГОСТу – 22 банки.

– Стущёнка по ГОСТу – 22 банки.

– Гречка походная – 22 упаковки.

– Килька в томате – 22 банки.

– Горошек консервированный – 22 банки.

– Кукуруза консервированная – 22 банки.

Общая стоимость – 38 732 рубля.

Я зажмурился. Открыл глаза. Цифры не изменились.

– Девушка, – сказал я в трубку, – подождите секунду. Я сейчас.

Посмотрел на комод в прихожей. Там, где я просил положить деньги, лежала стопка купюр. Ровно 36 000 рублей.

Всё сходилось. Ошибки не было. К сожалению.

– Девушка, – выдохнул я, – извините. Заказ подтверждаю. Буду ждать. Сколько угодно.

– Спасибо! – ответила она и положила трубку.

А я остался сидеть на кровати, глядя на телефон.

Шестьдесят один килограмм. Сорок тысяч рублей. Двадцать две банки всего подряд.

Что за человек этот Юрий Степанович?

Но где-то в глубине души мне было... тепло.

Дальнейшие дни тянулись странно.

Рывками. То разгонялись, то тормозили, словно кто-то специально крутил ручку времени то в одну, то в другую сторону. Я несколько раз терял ощущение реальности, просыпался и не мог понять – день сейчас или ночь, утро или вечер. Шторы были задёрнуты, часы на телефоне показывали одно, а организм требовал другого.

К исходу второй недели жизни с ортезом я ходил уже значительно лучше. Не сказать, что быстро, но уверенно. Костыли стали почти родными, я даже научился на них балансировать, когда нужно было что-то достать с верхней полки.

И я решился на прогулку.

Одел куртку, обул кроссовок на здоровую ногу, на больную – ортез и специальный башмак, чтобы не наступать, взял костыли и с чувством выполненного долга вышел на лестничную клетку.

До первой ступеньки я дошёл бодро. А на первой ступеньке споткнулся.

Хорошо так, основательно. Чуть не полетел кубарем вниз.

Я замер, вцепившись в перила мёртвой хваткой. Сердце колотилось где-то в горле.

Постоял, выдохнул, развернулся и молча поплёлся обратно.

Любое падение сейчас могло стать фатальным. Один неудачный прыжок – и всё, операция насмарку, нога заново, месяцы восстановления.

Прогулка отменяется.

Эксперимент я затеял исключительно от безделья. Второй день интернет работал из рук вон плохо. Сайты грузились по минуте, видео не открывались вообще, даже мессенджеры тупили. Фильмов офлайн у меня не было. На телефоне много не насмотришь, экран маленький, глаза устают.

Я прошёл несколько кругов по квартире – от комнаты до кухни и обратно. Потом ещё. И ещё.

Надоело.

Я взял телефон и набрал номер нашего магазина. Решил потрещать с коллегами. Видимо, соскучился по живому общению.

Трубку взял Саня. Голос у него был неровный, дёрганный, будто он бежал марафон и одновременно пытался говорить.

– Алло! – выдохнул он.

– Саня, привет! Как сам?

– Толян? – узнал он. – Слушай, я перезвоню, хорошо? Тут запара дикая.

И положил трубку.

Я посмотрел на телефон. Странно. Саня обычно болтливый, если есть время – может часами трещать. А тут – отрезал и сбросил.

Времени у меня было навалом, и я позвонил в службу поддержки интернета. Провисел на линии почти сорок минут. Слушал музыку, рекламу и заверения, что «ваш звонок очень важен для нас». Наконец ответила девушка с уставшим голосом.

– Ведутся технические работы, – объяснила она. – Поэтому возможны перебои. Принесим извинения за доставленные неудобства.

– И сколько это продлится? – спросил я.

– Точной информации нет. Следите за новостями на нашем сайте.

Сайт, который не грузится. Класс.

Я уже хотел высказать всё, что думаю об их работе, но тут запиликал второй звонок. Саня.

– Привет! – сказал я бодро, переключившись.

– Здорово! – голос у Сани был уже не такой запыхавшийся, но всё равно напряжённый. – Ты когда выйдешь? Вроде бодрячком выглядишь.

– Я-то да, а нога ещё не совсем, – ответил я. – А ты чего такой затраханый?

– Я второй день в одну каску тут впахиваю! – выпалил Саня.

– А где все?

– Эдик в отпуск укатил! – голос Сани зазвенел от возмущения. – Митя пробовал его уговорить остаться, мол, ты на больничном. А он такой: «Ничего не знаю, у меня путёвка полгода назад куплена». И свалил! В Турцию, вроде. Или в Египет. А Митя позавчера заболел. Температура, кашель, слабость. Попросил меня прогулять универ и отработать полные смены, пока он не выйдет.

– Ого, – только и сказал я.

– А тут аврал, Толя! – Саня уже не говорил, а кричал. – Отбоя от клиентов нет, а я один! Консультирую, подбираю, пробиваю, а потом ещё и собираю! Предпродажная подготовка, всё делаю сам! Ещё немного – и я застрелюсь!

– Держись, – посочувствовал я.

– Ой, у меня тут покупатели. Всё, давай, на связи! – он сбросил звонок.

Я остался в противоречивых чувствах. С одной стороны – переживал за Митю. Он всегда, сколько мы были знакомы, болел, но продолжал работать. Может, что-то серьёзное?

Я решительно набрал номер начальника.

– Ало, – послышался слабый, болезненный голос.

– Мить, привет! Саня сказал, ты болеешь. Что случилось?

– Тяжело говорить, – слова звучали сбивчиво, тихо, медленно. – Я в инфекционке. Нехорошо мне. Давай позже.

– Поправляйся, – сказал я, но он уже положил трубку.

Инфекционка.

Это слово застряло в голове и не выходило.

После этого разговора дни действительно потянулись долго.

Интернет не починили ни сегодня, ни на следующий день. Сайты еле ворочались, видео не грузились, даже новости открывались по минуте. Мобильный интернет тоже тормозил – видимо, сеть была перегружена.

Я лежал на кровати, смотрел в потолок и считал трещины. Потом пересчитывал заново. Потом пытался придумать им названия.

Скука смертная.

И тут мой взгляд упал на листок бумаги, лежащий на столе.

Тот самый, с графиком полива цветов бабы Маши.

Волосы на голове встали дыбом.

– Баба Маша! Цветы! Твою мать! – вырвалось вслух.

Я совершенно забыл про обещание. С ногой, с больницей, с переживаниями – вылетело из головы напрочь.

Я схватил ключ, костыли и рванул к двери. «Рванул» – это, конечно, громко сказано. Скорее, спешно поковылял, стараясь не упасть.

На лестничной клетке, когда я уже подносил ключ к двери бабы Маши, снизу раздался резкий, очень громкий кашель.

Такой, что, мне показалось, побелка с потолка посыпалась.

Я глянул вниз, сквозь щель между лестничными пролётами. На первом этаже, облокотившись на почтовые ящики, стоял сосед. Пожилой мужик, которого я видел пару раз, но никогда не общался. Он кашлял долго, надрывисто, закрывая рот рукой.

Зрелище было неприятное.

Я отвернулся и открыл дверь.

В квартире бабы Маши пахло пылью и застоявшимся воздухом.

Я прошёл в комнату, где стояли цветы. Сердце гулко билось где-то в горле.

Увы.

Как минимум три растения – названий я не знал, баба Маша их по-своему называла, но я не запомнил – выглядели болезненно. Листья пожелтели, поникли, некоторые совсем засохли.

Я полил все цветы, какие мог. Те, что выглядели плохо, сфотографировал на телефон.

Решение пришло быстро: когда нога заживёт, найду такие же и пересажу. Баба Маша не вернётся раньше сентября. У меня есть время.

Но на душе было погано. Не из-за цветов – на них мне было, честно говоря, наплевать. А из-за того, что подвёл человека. Нарушил обещание.

Я вышел в коридор, закрыл дверь бабы Маши и уже собрался идти к себе, как вдруг заметил кое-что странное.

Дверь Юрия Степановича была приоткрыта.

Чуть-чуть, на пару сантиметров, но для него это было нетипично. Он всегда закрывался на все замки, цепочки и задвижки. А тут – щель.

Я подошёл ближе. В нос ударил странный, горелый запах. Химический, приторный.

– Юрий Степанович! – постучал я, заглядывая в щель. – У вас всё хорошо? Дверь открыта!

Я толкнул дверь, она распахнулась ещё на пару сантиметров и упёрлась в цепочки. Две советские, тяжёлые, ржавые.

В щели показалось лицо соседа. Выглядел он странно – взлохмаченный, с красными глазами, весь в какой-то саже.

– Че тебе? – буркнул он.

– Да вот, дверь открыта, запах странный... – начал я.

Он посмотрел на меня, на свою дверь, потом снова на меня. Вздохнул, загремел цепочками, открыл.

– Заходи, раз пришёл. Поможешь.

Я зашёл и обомлел.

Кухня выглядела как после бомбёжки.

Стены, потолок, плита – всё было покрыто коричневой липкой массой. Она свисала с потолка каплями, стекала по стенам, застыла на полу лужами. Запах стоял такой, что глаза слезились.

– Что у вас тут произошло? – спросил я, разглядывая картину маслом.

– Старый дурак, – буркнул Юрий Степанович, яростно скребя стену тряпкой. – Решил вспомнить детство. Сгущёнку сварить захотел.

– Сгущёнку?

– Ну да. В банке. Знаешь, как раньше делали? Банку в кастрюлю, воды налить, варить несколько часов. Получается такая, коричневая, густая...

– Знаю, – кивнул я. – Варёнка.

– Во-во. Ну я поставил, задремал, а проснулся – уже вот так, – он обвёл рукой кухню.

Я смотрел, как он орудует тряпкой, и понимал, что процесс идёт медленно. Очень медленно. Он скорее размазывал эту массу по стенам, чем смывал. Но пятна всё же убывали.

Я присел на табуретку у входа.

– У вас интернет работает? – спросил я.

– Не знаю, – буркнул он.

– Как это – не знаете? Вы телевизор смотрите? В телефоне что-нибудь делаете?

– Телевизор ты мой видел, – он кивнул в сторону комнаты. – Интернетов твоих там нет. А телефон у меня кнопочный. Я им много лет не пользуюсь, отключили. Не нужен он мне.

– А я пользуюсь, – вздохнул я. – Каждый день. А сейчас не работает. Скучно.

– Ну посмотри у меня телевизор, – разрешил он. – Только мыть не мешай. Сидишь тут над душой...

– Хорошо, спасибо! – обрадовался я. – Мне ещё чай и суп.

– Пошёл на хер, – беззлобно ответил он и для убедительности замахнулся грязной тряпкой.

– Шутка, – сказал я и пошёл в комнату.

Телевизор у Юрия Степановича был... старым.

Очень старым. Таким я не пользовался с самого детдома. Пузатый, тяжёлый, с выпуклым экраном и кучей кнопок на передней панели. Но руки, видимо, помнили – я нашёл пульт.

Пульт был в старой вышарканной плёнке, перемотанной поперёк дыр скотчем. Я взял его в руки и совершил самую страшную ошибку за сегодня.

Я снял плёнку!

Под ней пульт оказался... в идеальном состоянии. Кнопки, как новые, всё работало.

Я начал щелкать каналы.

Все двенадцать работали. Но ничего интересного не было. Ток-шоу, сериалы, музыка. Я остановился на местном новостном канале.

В кадре была инфекционная больница. Та самая, где лежал Митя.

Я отложил пульт и прислушался.

Ведущая рассказывала про традиционные сезоны вспышек вирусных заболеваний. Весна, осень – время простуд. Но в этом году, вопреки сезонности, поток заболевших увеличился.

– Строительство нового корпуса инфекционной больницы, запланированное ещё в прошлом году, получило дополнительное финансирование, – вещал диктор.

В кадре показали стройку, рабочих, экскаваторы.

Сюжет был ни о чём. Просто отчёт о проделанной работе.

Но почему-то мне стало не по себе.

– Ах ты козёл! – раздалось за спиной.

Я обернулся. Юрий Степанович стоял в дверях, и взгляд его был прикован к пульту в моих руках. Вернее, к тому, что от пульта осталось.

– Ты что натворил? – прошипел он.

– Так удобнее же, – пожал я плечами. – Плёнка старая, всё равно отваливалась...

Дальше началось.

На меня обрушилась длиннейшая, самая гневная тирада, которую я когда-либо слышал. Юрий Степанович говорил минут десять, не переставая. Он объяснял, что эта плёнка была на пульте с 1998 года, что она защищала его от пыли, от влаги, от рук таких вот «помощников», что я нарушил многолетний порядок, что теперь пульт сломается, потому что без плёнки он беззащитен, что я не уважаю чужую собственность, что я...

В общем, суть сводилась к одному: не устанавливай свой хаос в чужом порядке.

Я сидел и молчал. Потому что спорить было бесполезно.

Когда он закончил, я аккуратно положил пульт на стол и на костылях поплёлся к выходу.

– Я всё понял, – сказал я на пороге. – Больше так не буду.

Он только фыркнул в ответ.

Дверь за мной захлопнулась.

Я снова погрузился в скуотищу.

Она обняла меня своими крепкими, липкими лапами и не отпускала. Дома было тихо, пусто и бесконечно тоскливо. Интернет по-прежнему был скорее мёртв, чем жив. Сайты открывались через раз, видео не грузились совсем, мессенджеры отправляли сообщения по полчаса.

Ни телевизора, ни радиоприёмника у меня не было. Я вообще не любитель этого дела – вон оно, всё в телефоне есть. А когда телефона нет, понимаешь, что, кроме него, у тебя ничего и нет.

Я вспомнил, что у Юрия Степановича на холодильнике стоит старенькая радиола. Раритетная, ещё советская, с проигрывателем для пластинок. Я заметил её, когда помогал ему убирать последствия сгущеночной катастрофы. Она стояла на холодильнике и выглядела так, будто её только что из магазина принесли – чистая, блестящая, без пылинки.

Судя по всему, ей пользовались. Хотя, зная Юрия Степановича, он запросто мог просто протирать её до зеркального блеска каждый день, даже не включая. Для порядка.

Хотя... Не факт, что радиола пережила сладкую бомбардировку. Если сгущёнка долетела до холодильника, приёмнику могло не поздоровиться.

Я вспомнил его кухню после взрыва и усмехнулся.

Я лежал на кровати, закинув руки за голову, и думал.

Обо всём на свете. О жизни, о смерти, о всякой ерунде.

Вспоминал детский дом. Нянечек, которые менялись каждые полгода. Прогулки, на которые нас выводили строем. Студенческие годы, общагу, где мы жили по шесть человек в комнате.

До сих пор не понимаю, как я мог выдерживать тот ритм. Шесть пар в универе, потом до ночи гулянки, тусовки, разговоры обо всём и ни о чём, потом два часа сна – и снова на пары. Сейчас я после одного недосыпа хожу как зомби, а тогда – хоть бы хны.

Время было другое. Или организм.

Размышления прервал звук.

Сирена.

Сначала далёкая, потом всё ближе. Я приподнялся на локте, прислушиваясь. Звук нарастал, врвался в открытое нараспашку окно, заполнял комнату тревожным воем.

Я встал, похромал к окну. Любопытство пересилило лень.

Во дворе стояла жёлтая машина скорой помощи. На борту крупными буквами: «Реанимация». Мигалки сверкали, но сирену уже выключили.

Из машины выскочили двое фельдшеров с большими оранжевыми чемоданами. За ними – ещё двое с носилками. Все они скрылись в соседнем подъезде.

Я выплянул с балкона, пытаюсь разглядеть, что происходит внизу. У подъезда стояла молодая девушка. Я не знал, как её зовут, но часто видел во дворе – то с собачкой гуляет, то по скверу бежит по утрам. Сейчас она стояла, прижав руки к груди, и смотрела на дверь, за которой скрылись врачи.

Я уже хотел уйти обратно в комнату, как вдруг услышал странное тархтение.

Сначала тихое, потом всё громче. Нарастающий рокот, от которого, казалось, задрожали стёкла.

Я поднял голову.

Над домами, очень низко, почти над самыми крышами, пролетели два жёлтых вертолёт. Я не разбираюсь в авиации, но недавно видел сюжет по новостям – область закупила новые вертолёт санитарии. Сомнений не было: это они.

Винты рубили воздух так, что, казалось, до них можно дотянуться рукой. Они пролетели быстро, скрылись за крышами, и звук стих так же внезапно, как появился.

Я постоял ещё минуту, глядя в небо. Потом вернулся в комнату, заварил чай, лёг в кровать.

Минут через тридцать я снова услышал шум. Теперь другой – громкий, надрывный плач.

Я опять пошёл на балкон.

Девушка, которую я видел у подъезда, сидела на лавочке. Она закрыла лицо руками и рыдала так, что, казалось, сейчас разорвётся. Плечи её тряслись, всхлипы разносились по всему двору.

Четверо мужчин выносили из подъезда носилки. На носилках – чёрный мешок на молнии. Длинный, безнадёжный.

Они погрузили его в машину скорой помощи. Я думал, они уедут. Но они пошли обратно. И вернулись с ещё одним мешком.

Девушка к этому моменту уже не просто плакала – она билась в истерике. Её трясло, она задыхалась, пыталась встать и падала обратно на лавочку. Из соседних подъездов выходили люди, пытались её утешить, но она их не слышала.

Я стоял на балконе и смотрел.

Двое. Два чёрных мешка. Две жизни.

Если я правильно понял, она жила с родителями. Молодая, лет двадцати пяти. Бегала по утрам, гуляла с собачкой, улыбалась.

А теперь сидит на лавочке и воет от горя.

Я смотрел на это и думал о том, как скоротечна жизнь. Как быстро всё может закончиться. Как хрупко всё, что мы считаем надёжным.

– Ты дверь чего не закрываешь?

Голос за спиной прозвучал как гром среди ясного неба. Я подскочил, чуть не слетев с костылей, обернулся.

В дверях стоял Юрий Степанович.

– Бля-яха! – выдохнул я, прижимая руку к сердцу. – Вы чего?! Смерти моей хотите?

Он даже не улыбнулся. Лицо у него было серьёзное, даже растерянное. Я такого выражения у него никогда не видел.

– Ты новости смотришь? – спросил он.

– Нет, – я пожал плечами. – Интернет не работает. А что там?

Он помолчал секунду, будто решая, говорить или нет.

– Пошли, – кивнул он головой в сторону двери. – Посмотрим.

Я захромал за ним.

В его квартире пахло всё теми же цветами – розами, кажется. Но сейчас этот запах не успокаивал, а наоборот, казался тревожным, неестественным на фоне того, что происходило за окном.

Мы вошли в комнату. На экране старого пузатого телевизора мелькали кадры.

Я сел на диван и приготовился слушать.

На экране старого пузатого телевизора мелькали кадры, которые не вязались с привычной картинкой новостей. Обычно там показывали что-то бодрое – отчёт о надоях, открытие детской площадки, поздравления ветеранов. Сейчас было иначе.

Диктор – женщина лет сорока, с идеальным макияжем и неестественно спокойным голосом – читала текст с суфлёра, но глаза у неё были испуганные. Я такие глаза видел у бабы Маши, когда она рассказывала про войну. Глаза человека, который знает больше, чем говорит.

– ...по последним данным, число зарегистрированных случаев заболевания составляет 847 в нашем регионе и более 12 тысяч по стране, – вещала она. – За сутки прирост составил 23 процента.

Юрий Степанович присвистнул. Я молчал, вцепившись в подлокотник дивана.

– Минздрав официально подтверждает: речь идёт о новом, ранее не изученном вирусе, – продолжала диктор. – Отличительной особенностью является вариабельность симптомов. У разных пациентов заболевание протекает по-разному, поражая наиболее уязвимые системы организма.

Картинка сменилась. В кадре появился мужчина в белом халате, с табличкой на груди: «Главный внештатный эпидемиолог, профессор Воронцов». Он выглядел уставшим до такой степени, что, казалось, сейчас уснёт прямо перед камерой.

– Вирус ведёт себя крайне нестандартно, – говорил он, потирая переносицу. – Мы наблюдаем феномен так называемого «прицельного удара». У пациентов с онкологическими заболеваниями в анамнезе резко ускоряется рост новообразований. У диабетиков – стремительно падает сахар, развивается кома. У людей с сердечно-сосудистыми патологиями – инфаркты и инсульты в течение нескольких часов после появления первых симптомов.

– А у здоровых? – выкрикнул кто-то из зала, невидимый за кадром.

Профессор помолчал.

– У людей без хронических заболеваний вирус протекает легче. Температура, слабость, кашель. Но есть случаи... – он запнулся. – Есть случаи внезапной почечной недостаточности, острого панкреатита, менингита. Создаётся впечатление, что вирус ищет слабое место. Если находит – бьёт туда. Если нет – бьёт случайно.

В студии повисла тишина.

– Сколько человек погибло? – спросила ведущая, и в её голосе впервые проскользнуло что-то человеческое.

– Официальная статистика будет позже, – ответил профессор. – Но... – он снова запнулся. – Скажем так: летальность среди пациентов с хроническими заболеваниями приближается к сорока процентам. Среди пожилых – ещё выше.

– Сорок процентов? – переспросила ведущая.

Профессор только кивнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.